
МАРИЯ УСТИНОВА
Теперь ему принадлежу
Беременна от монстра

Мария Устинова

Теперь ему принадлежу. Беременна от монстра

https://litres.ru/74718213

Аннотация

Подруга уговорила сходить с ней в ночной клуб – и крупно меня там подставила. Теперь я должна серьезным людям, моя жизнь разбита, а страстная ночь с одним из них закончилась нежданной беременностью. Я ее скрыла. Соврала, что сделала аборт. Так лучше для всех. Но тайное всегда становится явным. Я знаю, что этот безжалостный мужчина узнает об обмане и придет за мной, чтобы получить ответы...

Также в тексте: - опасный, жесткий и неоднозначный мужчина - нежная девушка - непростая ситуация - любовь и страсть - эмоции на пределе - откровенные сцены (18+) Предупреждения: история не лайт, ОЧЕНЬ ЭМОЦИОНАЛЬНО!

ПОДПИШИТЕСЬ НА АВТОРА

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	48
Глава 8	56
Глава 9	64
Глава 10	71
Глава 11	81
Глава 12	90
Глава 13	99
Глава 14	108
Глава 15	115
Глава 16	122
Глава 17	130
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Глава 1

Дисклеймер

Все герои и события вымышлены, происходят в вымышленном месте. Все совпадения случайны. Книга предназначена для читателей старше 18 лет. Сцены эротики, жестокости или насилия, в том числе сексуального, употребления алкоголя или табака, нецензурная брань, и другие спорные моменты служат исключительно для раскрытия художественного замысла, присутствуют с художественными целями, и осуждаются автором.

– Тебе развеяться надо, оторваться ему назло! Ну, Валера и козел! Сегодня пати, идем в клуб и пусть выкусит, слышишь?

У моей подруги Виолетты снежно-белые волосы, черный ошейник и фиолетовая помада. Возмущенный взгляд горит, как у ведьмы. На кухне без ремонта она самый яркий экспонат.

Я молча вытерла слезы со щек.

Сегодня любимому сюрприз сделала: пришла пораньше, чтобы приготовить романтический ужин, и застала с бывшей, как он говорил «подругой», к которой сохранил только дружеские чувства. Оказалось, не только.

– Не смей реветь, – Вита тверда. – Он тебя недостоин!

После красного полусладкого я почти готова в это поверить.

Я закрыла глаза, пытаясь избавиться от образа, где они целуются в нашей постели. Всегда считала, что в такую ситуацию не попаду. А если и случится – выйду с достоинством. На самом деле стало так больно, что я обезумевшими глазами смотрела, как негодяйка преспокойно собирает с пола одежду. В руках болталась сумка с продуктами для ужина и бутылкой вина. Ее мы с Виолеттой и распили, когда я сбежала оттуда.

Время к одиннадцати, что дальше – не знаю. Квартира принадлежала Валере, я туда разве что за вещами вернусь. Я представила, как униженно вымаливаю у его бывшей шмотки и застонала.

– Можно у тебя остаться? Мне некуда пойти.

– Конечно, дорогая. Как он мог так с тобой…

Я грустно усмехнулась: Валера из золотой молодежи. Квартиру в столице, полное содержание, авто и все, что душа пожелает, ему обеспечивали родители. Его считали талантливым и перспективным художником. Я думала, мне повезло, когда он в меня влюбился... Любовь мажора долгой не бывает.

– Не кисни, – Вита погано улыбнулась. – Пойдем отрываться.

– Не хочу. Вдруг он тоже придет.

– В том и смысл, – она округлила густо обведенные чер-

ным глаза. – Пусть видит, что тебе без него классно!

Покачивая тощим задом, обтянутым кожаной юбкой, Вита решительно направилась в комнату. Я сдалась, когда она распахнула шкаф, забитый нарядами.

Придирчиво перебрав платья, Вита приложила одно ко мне.

– Хорошо, что ты тоже светленькая, – заключила она. – Локти кусать будет…

Как и все платья Виолетты, это – белое и прекрасное – было вызывающе тесным, с соблазнительным вырезом треугольной формы.

– На, поддень, – подруга бросила мне лифчик.

С ним грудь превратилась в соблазнительные яблочки, торчащие из декольте. Под грудь надевался широкий кожаный пояс, напоминающий корсет.

– Я в таком виде не пойду, – вздохнула я. – На себя не похожа.

– Зато красотка. Не то что его мымра…

Это меня убедило.

Мы накрасились, вернее, красилась я, а Вита подновила помаду и пудру. Розовый блеск для губ. Цветочные духи. Сапожки оставлю свои…

Пока подружка ненадолго заперлась в ванной, я вызвала такси. Представляю лицо Валеры с его бывшей, когда я, как ни в чем не бывало, заявлюсь в клуб. А если бы крутой красавчик мстительно пригласил меня потанцевать и затем уго-

стил коктейлем… Хочется разбить ему сердце, как он мне. Гори в аду, предатель. Мне без тебя назло хорошо будет.

Фасад клуба выкрашен черным и ярко-сиреневые буквы вывески, выплывающие из мрака, сразу бросались в глаза. Перед входом небольшая очередь – секьюрити пропускали по одному. Цокая каблуками, мы побрели к клубу.

Я встала в конец очереди, пропустив несколько человек, будто мы не вместе. Постепенно продвигаясь вперед, я поднялась на угольно-черные ступени клуба. Оглянулась: весенняя ночь вокруг так дышала любовью, что сердце рвалось.

Виолетта, наконец, предстала перед двумя мощными ребятами-секьюрити.

– Привет, Вита, – один из них, с квадратной челюстью, заслонил проем и ухмыльнулся, постукивая ручным металлоискателем по ладони. – Я тебе говорил не приходить?

– Мальчики, с первого раза все поняла. Ну, прости-и-и, сладкий…

С кокетливой улыбкой она сделала то, чего я не ожидала – поставив пальчик на пуговицу брюк, провела по ширинке.

Охранник ухмыльнулся шире.

– Сумку выворачивай.

– Спасибо, золотце! – она слегка подпрыгнула и торопливо расстегнула молнию. Стало не по себе, как грубо бугай роется внутри огромной ручищей.

Не помню таких знакомств у Виолетты. Я с ними пару раз ходила, но быстро поняла, что это не мое. Отпускала Валеру

одного, предпочитая остаться дома… Может и зря. Устал от домашней девочки.

Охранник провел металлоискателем вдоль тела и кивнул:

– Проходи. И не наглей, босс здесь.

Вита упорхнула в клуб с воздушным поцелуем, оставив меня нервничать одну.

Впереди молодая пара, с ними возились долго – у парня «запищали» ключи, у девушки досматривали сумку. Другой паре дали понять, что им не рады. Пока очередь дошла до меня, я успела продрогнуть и испугаться.

– Девушка, покажите сумку, – каменно-зверское лицо ничего хорошего не обещало. Я расстегнула, рассудив, что самое страшное, что случится – меня не пустят в клуб, если я им не понравилюсь.

Охранник без особого интереса окинул сумку взглядом и, взмахнув металлоискателем, пропустил внутрь. Пронесло! Сердце выскакивало из груди от восторга и адреналина. За дверью полумрак. На руке мне сделали оттиск с названием клуба, я вошла и огляделась, разыскивая Виту.

Подруга подскочила сбоку, и заорала в ухо, перекрикивая музыку:

– Ну как?

Я показала большой палец, и мы в унисон рассмеялись. Приподнятое настроение погасило печаль. Не так уж неправа была Вита, когда меня вытащила.

– Что это значит? – весело прокричала я. – У тебя здесь

были проблемы? Что произошло?

– Не бери в голову! Пойдем в бар!

Здесь музыка была тише: можно разговаривать. Вита навалилась на стойку и прокричала в сторону бармена:

– Два дайкири!

Она покрутила головой, как хищница на охоте, осматривая зал.

– Я отлучусь на минутку.

Встряхнув волосами, она удалилась в сторону залов. На стойку поставили бокал, и я пригубила кисловатый коктейль. Звучала приятная нежная музыка. Из зала долетали басы. Здорово.

Я поймала себя на том, что улыбаюсь.

В баре немноголюдно, сюда приходили за бокальчиком. Ряд стульев вдоль стойки пустовал. Даже взгляду зацепиться не за что, я заметила, что неосознанно ищу, чем себя занять и каких еще найти приключений.

И куда запропастилась Вита?

Она вернулась через несколько минут и ярко улыбнулась.

– Я Валеру в зале видела… – начала она, и тут они вошли в бар.

Я чуть не подавилась дайкири. Поверх бокала следила, как Валера со своей бывшей-новой девушкой и друзьями идут к стойке, и пульс колотился в висках. Коктейль пах лаймом и ромом, голова закружилась. Если бы не насмешливый взгляд этой стервы – я бы точно рухнула в обморок.

И зачем я только пришла…

Меня выручила Вита, поспешив ему навстречу.

– Привет!

Он подошел к стойке, не взглянув на меня – его больше интересовала Вита. Я отвела глаза, чтобы не пялиться – мне вообще на него плевать. Абсолютно. Не дай бог, кто-то заметит боль в моих глазах… Я хотела его уесть… но как уесть того, кому на тебя плевать? Валера меня проигнорировал.

Я отвела глаза и заметила, что из зала за нами следит охранник. Тот самый, со входа.

– Вита… – позвала я.

Он смотрел прямо на нее! Она легкомысленно и напропалую флиртовала с друзьями Валеры. Она давно стремилась попасть в компании золотой молодежи, но таким, как мы, это можно сделать только через постель… Если тебя туда возьмут.

– Ну мы пошли, – Валера сориентировался быстрее.

Мажоры всегда знают, когда пора валить.

– Да, Вита! – со злости шикнула я, ее дернув.

Она обернулась и увидела, что охранник решительно идет к нам. Подружка схватила меня за руку, словно хотела улизнуть, да не успела. Ярко накрашенные глаза расширились.

– Ну-ка идемте за мной, девчонки! – прорычал он, приблизившись.

Я без страха пожала плечами: нас просто вышвырнут, ну и что? Но Вита вдруг начала ныть и упираться.

– Я сказал, пошли! – прорычал он, хватая ее за шкирку.

– Вы что, – испугалась я. – Отпустите, мы уйдем!

Я шарила глазами по сторонам, надеясь, что Валера поможет, но их компании след простыл. Взбешенный охранник схватил меня за плечо, и втолкнул в служебный коридор.

– Ну прости-и-и, – вдруг гнусаво завыла Вита, лицо исказилось в плаче. Верзила зашвырнул нас в какую-то комнату и тяжелой пощечиной сбил Виту с ног.

– Ты не поняла? Тебе сколько раз говорить – к нам не приходить!

Вита рухнула на пол – отлетела, как пушинка. Если до этого я не паниковала, то теперь меня сковал ужас. Охранник был огромным, дубинка, пристегнутая к поясу, мощные кулаки и полное отсутствие интеллекта и сострадания в глазах. В таких случаях охрана не связывается – вызывает полицию…

– Что вы сделали… – пролепетала я. – Вита, бедная… Он тебя ударил… Вы что, сумасшедший?

Я присела на корточки рядом с подругой.

Она смотрела на громилу, дрожащей рукой закрыв расквашенный нос. От отчаяния глаза стали мутными, словно она знает, что будет дальше. Что-то не так…

– Послушайте, мы ничего не сделали! – взмолилась я. – Давайте мы просто уйдем, хорошо?

– Ага, уйдете. Вы, девчонки, крупно накосячили, – он выглянул в коридор и крикнул напарнику. – Позови босса!

Глава 2

Вита села, подтянув ноги к груди, и громко разрыдалась в колени. Я думала – из-за пощечины, обидной и болезненной, и стала гладить по спине.

– Зачем ты его позвал? – вдруг заорала она, подняв заплаканное лицо. – Сами бы договорились, как в прошлый раз!

– Ты не так хорошо сосешь, как обещала, – от этих слов и агрессивного лица я вздрогнула. – Босс разберется.

Директор точно умнее охранника… Я приободрилась – возможно, нас отпустят, даже принесут извинения, если не хотят проблем. Мы все-таки гостьи. Да и Вита такой жестокости не заслужила...

Подруга тихо плакала, а охранник привалился к стене.

Я смотрела в пол, чтобы снова не поймать пугающий взгляд. Он давил, как глыба, как я ни уговаривала себя, что все обойдется. В голову лезли нехорошие мысли и музыку из залов почти не слышно, только басы немного, а это значит, что наших криков не услышат тоже…

Ладно, я просто запугиваю себя. Все будет хорошо.

У клуба безупречная репутация.

Дверь открылась, и я подняла голову. На мужчину в проеме я смотрела с надеждой. Хотела поздороваться, объяснить все, но оробела. Он был похож на бандита, а не бизнесмена. Под сорок лет, жилистый, подбородок в щетине. Из-

под воротника рубашки выглядывала золотая цепь. Глаза маленькие, черствые – очень циничные. Через открытую дверь лилась клубная музыка. За ним вошли еще несколько мужчин в форме охраны. Последний захлопнул дверь, и вновь стало тихо.

В присутствии хозяина свирепый охранник присмирел и выпрямился.

– Поймал в зале, – пока хозяин невозмутимо прикуривал, тот изложил суть проблемы.

Он с удовольствием затянулся, неторопливо выпустил дым. Из-за сигарет у него был огрубевший, хрипящий голос, который некоторые сочли бы красивым. Меня этот голос пугал. Хуже только взгляд – человек думал, что со мной делать.

С появлением этого человека в комнате сгустилась угроза.

– Вызовите полицию.

Я лучше там объясняться буду, чем в клубной комнате без окон.

Вита тихо всхлипывала рядом. С появления хозяина она не сказала ни слова.

– Вызовем, – усмехнулся он. – Сначала досмотрим. Одежду скидывай.

Вита заныла.

– Вы не имеете права…

Я старалась говорить твердо, несмотря на тихую истерику, которая застыла в центре груди, как сжатая пружина.

– А ты не имеешь права шариться по моему клубу. Вдруг

ты что-нибудь украла? – с вызовом кинул он. – Я вам раз и навсегда отобью охоту делать это в моем клубе. Обыщите их.

– Нет…

Охранник направился ко мне. Я хотела сказать твердо, осадить его, но изо рта вырвался жалкий всхлип, почти стон, когда я вспомнила, как грубо он ковырялся огромной лапой в сумочке.

– Не надо, – захныкала я, когда он развернул меня спиной и толкнул на стену, заставляя упереться руками.

Ладони обхватили стан.

– Какая хорошенькая, – словно невзначай он прижался пахом к моим ягодицам.

Владелец все видел, но не вмешался, даже когда я с мольбой оглянулась через плечо. Невозмутимо затянулся и выдохнул дым. По безжалостным глазам понятно, что ему даже приятно смотреть, словно он извращенец какой-то…

– Помогите! – неожиданно для самой себя заорала я, и тут же получила по шее. В глазах потемнело, ноги подогнулись, и я упала, сквозь шум в ушах и темноту услышав:

– Шеф, рефлекс, – меня похлопали по щеке – это больше похоже на пощечину, чем на попытку привести в чувство. – Вставай, деваха…

Он приподнял меня, я встала на колени, расставив дрожащие ноги, и оперлась на стену. Перед глазами еще было темно, в себя меня привели рыдания Виолетты.

– Принесите стул, – велел хозяин.

Просьбу тут же выполнили, и тот сел, закинув ногу на ногу. Смотрел, словно на представление, как грубые руки, сминая тонкое платье, снимали с меня корсет.

Больше я не орала.

Бесполезно. Снаружи меня не услышат, а этого типа не тронут вопли, у него слишком масленый взгляд. Я надеялась, нас обыщут и отпустят. Вита, судя по всему, в такой переделке уже была – и с ней все в порядке, она даже снова в клуб пришла…

– Я не виновата, – все-таки заныла я, когда охранник начал расстегивать платье.

С Витой рядом происходило то же самое, что и со мной.

Я плакала, стоя лицом к стене, пока платье не соскользнуло к ногам.

– Повернись.

Я повернулась, а взгляд поднять не смогла. Прикрыла одной рукой грудь в роскошном и многообещающем лифчике Виолетты, и ладонью пах, зная, как просвечивает черное кружево.

В комнате не холодно, но я покрылась мурашками. Ощущала себя беззащитным манекеном в витрине нижнего белья. Я не стала грозить полицией и папой-прокурором, которого все равно нет. Так можно нарваться на проблемы серьезнее. Пусть лучше унизят и отпустят, чем убьют, чтобы избавиться от возможных проблем.

– Красивая девушка, – обшаривая меня взглядом, особен-

но его интересовала грудь, сильно поднятая пуш-апом, сказал хозяин клуба, и снова затянулся. – Зачем тебе воровать? Для такой девушки найдется работа поинтересней.

– Я не воровала, – выдавила я, борясь с туманом от слез.

– Докажи, и отпущу. Я ведь не чудовище такую красотку обижать.

Я не поняла, издевается он или всерьез. Он медленно затянулся, рассматривая дрожащие губы и подбородок, и обернулся к секьюрити.

– Видел, с кем они были? – босс обернулся к охраннику позади. – По камерам проверь, если здесь, выведи, хорошо вломи, и чтобы поняли за что. Не говори, что девки у нас.

Вновь глубокая затяжка. Похоже, он кайфует, меня рассматривая.

– Под платьем ничего нет, не соврала, – наконец сказал он. – А между сиськами что-нибудь прячешь?

Я опустила голову, снова заплакав. Волосы упали на лицо. Он просто издевается над нами, не нужен ему обыск – мужчина хочет, чтобы я сняла лифчик.

– Отпустите меня, – прошептала я, давясь слезами. – Вы больше никогда нас увидите…

Вита рыдала в голос. С нее белье пока не сорвали. Я не понимала, то ли ее очередь следующая, то ли я просто приглянулась главарю.

Я задам ей трепку, когда мы выберемся. Если…

– Шевелись, – кивнул он. – Или парни снимут.

С плачем я завела руки за спину и взялась за застежку, но расстегнуть не смогла. В руках слабость, колени дрожат. Я не могла раздеться в толпе мужчин – тем более, таких, понимая, к чему это приведет. За этим последуют приставания… Нас могут изнасиловать.

Колени такие слабые, что я едва стояла.

Взгляд этого человека стал глубже, он ждет, ждет представления. Ему не просто грудь хочется увидеть – ему нравится унижать. И, кажется, Вита это с самого начала понимала, устроив истерику, когда дошло, куда нас тащат и кто придет.

– Перестаньте, – пробормотала я.

– А как ты хотела? – усмехнулся он. – Чтобы на слово верили? Снимай, не ломайся. Увижу, что ничего не прячешь, так и быть – вали.

Во мне что-то дрогнуло. Надежда, наверное.

– Вы обещаете?

– Конечно.

Лицо ничего не выражало. Изощренно издевается или отпустит? Пальцы сами расстегнули застежку, я помедлила, переводя дух, а затем сбросила бретельки с плеч, накрыв голую грудь ладонями. Пустой лифчик упал к ногам. Под изучающим взглядом этого насекомого, сердце колотилось как сумасшедшее.

Они все смотрели на меня. Даже про Виту забыли.

– Отпустите нас, пожалуйста, – пьяная от страха и адре-

налина попросила я.

– Так быстро?

– Я же сняла…

– Но мы еще не все смотрели, – он пожал плечами, в глазах появился пугающий блеск. У нормальных людей такого не бывает. – А внутри ты ничего не спрятала? Я слышал, девушки так делают. Покажешь?

Я не сразу поняла, что он имеет в виду, что это значит – внутри. Затем стало жутко. От прямого взгляда этого ублюдка. От притихших парней, изучающих меня. Живот свело от страха. Я испуганно оглянулась на Виолетту, та ответила таким же диким взглядом.

– Проверим, и можешь идти.

– Как вы проверите… – пролепетала я.

– Сними трусики, пусть кто-нибудь из ребят посмотрит. Не бойся, пальцем. Это стандартная процедура досмотра, ведь так?

Парни посмеиваются, им нравится игра. Меня обшаривали взглядами – по груди, моим нервным рукам, которыми я прикрылась. По просвечивающему кружеву. Они представляли озвученное.

Я съежилась, боясь всего вокруг. Взглядов, прикосновений, их смешков. Они будто обволакивали в кокон. Я в таком состоянии, что меня разобьет истерика, если хоть кто-то ко мне притронется.

Когда я представила, что один из них шарит пальцами у

меня внутри, стало дурно до обморока. Во рту кисло, я не дышала от ужаса.

– Сними трусики и поставь ножку на стул, – попросил он. – Один из парней тебя проверит, после можешь идти. Если там нет ничего запрещенного, конечно.

Глава 3

Меня начала разбирать истерика.

Вита, наоборот, затихла. Эта засранка поняла, что я главный объект для издевательств и решила поменьше привлекать внимание.

Главарь ждал, со вкусом затягиваясь. У него много сигарет и вся ночь впереди… Меня не отпустят, не унизив как следует – по блеску в глазах видно.

Когда я представила, что все-таки сделаю это, чтобы отвязались, стало безумно противно. На глазах у всех, еще и у подруги. Наверное, мы об этом никогда не заговорим и не вспомним от стыда…

– Поторопись, девочка, – сказал он, рассматривая мои сжатые ноги. – Хорошо, подойди, я помогу.

Он поманил к себе. Мне безумно плохо, но я приблизилась. Пока я сидела, ноги затекли – я шла, их не чувствуя.

– Ножку сюда, – он похлопал по свободному участку стула между своих бедер. – Поближе. Не стесняйся, цыпочка, даже трусики не снимай, сам найду дорогу. Поскорей, подружка ждет своей очереди.

Ноги не слушались. Давясь истерикой, я все-таки неуклюже поставила ногу на стул. Потупив взгляд от стыда и прямо на глазах у этих чудовищ. Боком, чтобы защититься. Вблизи он еще противнее – от него пахло куревом, пальцы в нико-

тине. Усмехаясь, он с интересом рассматривал меня.

– Пошире, девочка, – мужчина силой раздвинул мне бедра, чтобы ввести палец. Зажмурившись, я ждала наглого вторжения. Сдерживаемая истерика разрывала грудь.

В комнату вошел один из секьюрити.

– Шеф, – он облизал губы, так боится, что даже испарина на лице выступила. Продолжил шепотом, словно говорил об опасном. – Вас Шелехов ищет…

– Где? – обалдел тот.

– В коридоре. Сюда идет.

Он меня оттолкнул.

Я едва удержала равновесие, чуть не упала, когда распахнулась дверь. Потянуло холодом – я присела от неожиданности. На мне только кружевные трусики, лицо заревано…

Мужчина остолбенел в дверях.

– Ни хрена себе, – хрипло сказал он, и рассмеялся. – Вы что делаете?

Он вошел без приглашения, абсолютно свободно. От страха я перестала плакать и дышать. Люди, что меня мучили, были страшными, но этот реально пугал. Я не понимала, что в нем вызывало такую реакцию – хотелось затаиться, чтобы не смотрел на меня, вообще не заметил… По мышцам прошла дрожь, я стояла, плотно сжав колени от страха, и прикрыв ладонями грудь. От него я глаз не прятала, наоборот, следила, как жертва следит за тем, кто в любой момент может напасть.

Следом вошел второй, но остановился у порога. Он демонстративно носил оружие за ремнем джинсов, даже рубашкой не прикрыл.

Такой же, как первый.

Я таких людей никогда не видела.

Оба поджарые, неуловимо похожие в пластике. Настоящие хищники. Глаза безразличные, такие не живут, не чувствуют: от них кровь стыла в жилах. Сюда пришли звери.

– Девок прессуешь? – нейтрально спросил первый, еще раз мазнув по мне взглядом, и обернулся к хозяину.

Тот встал, приветствуя незваных гостей.

– Им запрещено появляться в клубе, – пояснил он. – Воровки. Девчонок надо проучить.

Второй смотрел на меня, пока я снова не заревела.

У него был до неадекватности пустой, жесткий взгляд. Он пялился, не мигая куда-то сквозь меня. Я не понимала толком, куда он смотрит – куда-то в район груди, закрытой моими ладонями.

«Пожалуйста, не надо», хотела я сказать, но при этих двоих боялась слово выдавить и беззвучно открывала рот, пока Вита пряталась за мной.

Хотелось съежиться, а лучше исчезнуть. Лишь бы он не смотрел. Мужчина в дверях был приятной внешности. Тело под расстегнутым пальто стройное, хорошего сложения, только шрамы в нижней части лица сделали его немного асимметричным. Но не в них дело. Он обладал опасной, да-

вящей энергетикой, которая всех в комнате заставила держаться подальше.

Мужчина поднял взгляд – словно только сейчас меня всерьез заметил. Его не интересовали мои прелести. В глазах хозяина клуба был гадкий, но живой интерес к трусикам и грудям. Этот перед собой не видел женщины. Глаза были темными, цепкими и безразличными.

Я объект, кусок мяса или пустота.

Никто.

Обреченно захныкав, я опустила голову. Это глаза даже не хищника – дьявола.

– В чем ее вина? – вдруг спросил он.

– Я ж сказал…

– Воровали обе, раздета она. Почему?

– Досматриваем, вторая следующая, – объяснил хозяин. – Девки порой в себя что-нибудь как запихнут… Там целый склад может… проверить надо. Не можем же мы ее отпустить.

Я покраснела от наглой лжи. Залилась краской до ушей и скрестила на груди руки, прячась от мужчин.

– Ну что я, не прав? – всем видом он выражал готовность сотрудничать. – Парни, я к девчонкам между ног не лезу, пока сами не просят.

Он не хочет нас отпускать. Я сглотнула, задыхаясь от страха. Я знала, что «досмотр» – издевательский фарс, но надеялась, что нас отпустят после унижений. У этого лжеца с за-

машками садиста с самого начала были другие планы.

Шелехов пристально наблюдая, как партнер прищурился, негромко сказал:

– Андрей… – голос стал тише, шелестящим. – У нас свои дела. Не вмешивайся. Не наше дело.

Андрей оглядел их по очереди и пожал плечами:

– Давай я проверю и скажу, – предложил он. – Инцидент будет исчерпан? Или моему слову не веришь? Если ничего нет, я ее заберу.

– Андрей, – зашипел Шелехов.

– Мне девочка понравилась, – когда партнер убрал руку с плеча, он добавил. – Пойдешь со мной.

Он улыбнулся – мягко, но асимметрично. Часть мышц на лице были нерабочими. Шрамы сразу сдвинулись. Жутко. Я не знала, что делать. Он не похож на рыцаря. Несмотря на то, что происходит здесь с нами, с ним уходить не хотела.

Люди из клуба – скоты. Но с ними понятно, чем кончится. А этот мужчина выглядел так, что за ним уйдешь в бездну.

И не факт, что вернешься. Там с ним останешься.

– Ты слышишь меня? – мягко и четко повторил он. – Я непонятно говорю?

– Она туповата, – влез владелец клуба. – Со второй сами разберемся.

Андрей взглянул на спрятавшуюся за мной Виту.

– Валяй. Выходим, парни. Принесите мне воды.

Сообразив, что нас разводят по разным комнатам, подруга

заныла и обняла меня тонкими руками. Охранник отцепил от меня пальцы и приподнял ее под мышки. Вита еле шла, тощая фигура шаталась. С нее сорвали топ и кожаную юбку, остались только капроновые колготки с широкими рваными стрелками на коленях, дерзкий комплект из кружева и ее черный ошейник.

– Вита… – прошептала я вслед.

Она никакая мне не поддержка, но с ней не так страшно, как наедине с мужчиной, который без выражения смотрел на меня. От страха болел живот. Но хотя бы хозяин клуба не полезет в меня грязными лапами. И это лучше, чем при Вите и у всех на глазах, как мне предлагали, снять трусы и поставить ногу на стул.

Его друг тоже вышел. Рядом с порогом поставили бутылочку воды, как он просил, и захлопнули дверь.

Андрей в упор смотрел на меня. Не улыбался. Глаза пристальные и жестокие – абсолютно для меня непонятные.

Я не знаю, чего от него ждать.

Думаю, никто не знает – поэтому они и вышли, не рискнув перечить. Я видела, тот ублюдок хотел, но не решился оспорить. Меня пугает даже не то, что этот мужчина «проверит» нет ли во мне чего, меня пугает, что еще он сказал: с ним придется уйти.

Я попыталась вспомнить, сказали ли мы кому-то, куда собираемся и в какой клуб идем? И когда я исчезну – вспомнит ли кто-то обо мне? Поймет ли, что произошло? Или я рас-

творюсь без следа, как другие юные девушки, встретившие не того человека?

Глава 4

– Как тебя зовут?

Андрей говорил, будто слегка пьяный – невнятно и мягко выговаривал слова. От стыда и унижения у меня не получилось ответить сразу.

– Лена, – наконец, выдавила я.

С уставшим видом Андрей прислонился к двери и прикурил, склонив голову набок. Я ощущала себя в ловушке, и впереди монстр. Смотрел он без особых эмоций, пристально и жестоко.

Ему меня не жаль.

Это отчетливо видно. Но зачем тогда помогать?

– Одевайся, Лена. Не бойся, – заметив, как я тревожно ерзаю, сказал он. – Я не буду проверять. Но мы сделаем вид, что проверил, когда выйдем отсюда. Договорились?

Не веря, что пронесло мимо беды, я самозабвенно разрыдалась от облегчения. Подтащила к себе платье, но меня так трясло, что даже не надела, просто прикрылась.

– Я не виновата… Вы верите?

Глупо оправдываться, но было важно, чтобы поверил.

– Я видел воровок, ты на них не похожа.

Подхватив бутылку воды, он присел на корточки передо мной и с хрустом открутил крышку. Вблизи от пальто пахло лимонным парфюмом и сигаретами.

Андрей подал воду.

– Не плачь, – контролируя голос, чтобы не напугать, сказал он. – Попей. У парней был неудачный день, они разошлись, но ничего непоправимого не случилось. Через несколько дней ты придешь в норму.

Захлебываясь, я сделала несколько глотков. Если помаленьку пить, можно усмирить любую истерику… Кажется, он это знает.

– Не бойся.

В нем сквозила уверенность, подкрепленная расслабленной позой. Между пальцами дымилась сигарета, полы рубашки, не до конца застегнутой снизу, разъехались, сильнее открывая матово-черный пистолет. С близи я заметила новые детали: он старше, чем казалось, в уголках глаз появлялись морщинки, когда он щурился.

У него приятное лицо, но шрамы его испортили. Рубец, несколько впадинок – я не поняла, от чего. Когда он заговорил, стало заметно, что часть мускулатуры его не слушается. Я присмотрелась, какие мышцы работают, какие нет: они сгруппированы по определенной системе, и шрамы имели к этому отношение. Губы когда-то были красивыми. Теперь один угол рта стал почти неподвижным – у него лицевой нерв задело.

Пока мы рассматривали друг друга, в дверь постучали.

– Андрей? – недовольный голос Шелехова. – Ты что-то долго.

– Тебя это касается? – неожиданно зло ответил Андрей. – Мне объяснить, почему?

Пробормотав что-то неприязненное, тот отстал.

– Одевайся, – повторил он, и поднялся.

Андрей отвернулся, но скользнув по комнате, взгляд вернулся ко мне. Он смотрел странно – со спокойным, задумчивым голодом. Руки дрожали, а я так торопилась, что застегнула лифчик с пятого раза, и только после этого надела тесное платье.

Он многое успел увидеть.

– Ты красивая… – заметил он, глубоко и резко затягиваясь, словно пытался заглушить в себе что-то. – Тебя кто-то ждет, у тебя есть родные? Или ты одна?

Я насторожилась.

Изувеченное лицо, странный взгляд… Не похоже, что такой мужчина совсем останется без женского внимания, но на кого ему рассчитывать кроме жриц любви? Могу ошибаться, но для чего-то он меня прощупывает?

– Есть, – я почти не соврала.

Признаваться, что в этом городе меня не ждут, небезопасно.

Он протянул руку и помог встать.

– Пойдем, – мы вышли в коридор, и он бросил главарю. – У нее ничего. Принеси, в чем была. Куртку или что. На улице холодно.

Я ждала рядом, залившись краской. Волосы упали на ли-

цо, я пряталась за ними, как за занавесками. Виты нет, но охрана и хозяин клуба ждали за дверью. Они думают, он во мне ковырялся, но мало этого, решили, еще и трахнул, слишком долго мы пробыли наедине.

– Принеси, – бросил хозяин клуба охраннику. – Ты ее уводишь?

Нужно спросить про Виту, но язык прилип к нёбу.

Я пялилась в пол, набираясь храбрости. Потом надо выйти на парковку и попытаться уйти. Я не хочу с ним ехать, лучше вызвать полицию, чтобы помогли Вите… Мне повезло, но мысли, что подруга может страдать за соседней дверью, не шли из головы.

– Серега где? – вместо ответа спросил Андрей.

– В приват-комнате.

– Это надолго, – усмехнулся он, бросил окурок на пол и, взяв меня за руку, уверенно повел по коридорам.

Когда навстречу попался охранник с моим жакетом, молча его забрал. Моя рука лежала в твердой ладони.

Я так и не спросила про Виту…

Андрей поднялся на второй этаж. Красный ковер заглушал шаги и стук моих каблуков. Заметив бордовые бархатные обои и светильники, источавшие мягкий рубиновый свет, я смутилась. Понятно, что скрывают эти двери. Он ориентировался уверенно, словно не в первый раз. Подошел к последней и постучал.

– Сергей! Это я.

– Заходи.

Андрей открыл, меня окутал темно-бордовый полумрак и томная музыка для стрип-данса. На пилоне маленького подиума извивалась блондинка с прекрасными формами. Заметив, что она раздета – причем полностью, я с пылающими щеками отвела глаза. Шелехов развалился на темно-красном кожаном диване со стаканом виски, судя по бокалу, и следил за девушкой.

Андрей провел меня мимо и распахнул незаметную дверь в нише. Я обалдела, когда попала внутрь – это была шикарная ванная.

– Приведи себя в порядок, – предложил он. – И выходи к нам.

Он притворил дверь, оставив наедине с роскошным зеркалом, черно-красным кафелем и сияющей белой ванной минимум на троих. После истерики голова гудела. В зеркале отразилось меловое лицо в потеках косметики. Зрачки расширены из-за полумрака, и нездорово блестят. Вид выражал два чувства – безысходность и апатия. После нервотрепки и слез хотелось спать, а не слушать эротическую музыку, пробивающуюся из-за двери.

Я смыла косметику – без нее лицо стало свежее. Промокнула тонкой салфеткой, расправила пальцами перепутанные пряди волос, прислушиваясь к звукам из комнаты.

Нет, не пойду. Зачем он меня сюда привел?

Женщина там одна танцует, а мужчин двое. Значит, вто-

рой рассчитывает на меня. Чувствуя себя разбитой, я присела на край ванны, прикидывая, как сбежать. Никак. Выход один, к нему мимо них идти.

Я тихо приоткрыла дверь, исподтишка глядя – что там? Блондинка по-прежнему демонстрировала округлые тугие ягодицы, Шелехов смотрел. Андрей кому-то звонил, но заметил меня и жестом показал – подойди, а затем на диван.

Я села подальше от его партнера, глядя под ноги, чтобы блондинка случайно не попала в поле зрения. Но с ней все равно лучше. Куда хуже я бы себя чувствовала, окажись здесь единственной женщиной.

Андрей отключил телефон, из бара достал бутылку виски и наполовину заполнил стакан.

– Выпей, – предложил мне.

– Не хочу… Я не пью… Можно, я не буду?

Паника так и хлынула в голос, выдавая, чего я боюсь – напоят, чтобы не ломалась. Шелехов взглянул на меня с непонятным омерзением.

– Андрей, вызови себе нормальную девочку. Настроение портит своим нытьем.

– Твои девочки ползала до этого обслужили. Мы уже уходим, извини. Приятного отдыха.

– Давай, – он показал ладонь на прощание. – Созвонимся.

Стакан Андрей поставил на бар, и повернулся, растянув мой жакет. Я не сразу поняла, что он предлагает мне одеться – не ожидала от подобного человека старомодного жеста.

Знакомо, безопасно, предсказуемо. Словно я была на свидании с новым кавалером, и вот, он провожает меня домой… Чувствуя себя спокойнее, я повернулась спиной, позволив надеть на себя жакет.

– Пока, – Андрей вывел меня в коридор и помог спуститься по лестнице, от стресса я опасно зашаталась на вершине на высоких каблуках, пришлось брести, опираясь на перила.

Он говорил, я поеду с ним. Только им сказал или на самом деле собирается увезти, но за руку держал крепко. И чем ближе двери этого дьявольского клуба, тем сильнее я паниковала.

Выйти все равно придется с ним.

Пока мы шли через холл, за нами наблюдали секьюрити. Тот, со входа, тоже был среди них. Где же Вита?

Мы вышли в холодную, весеннюю ночь – меня словно в прохладную воду окунуло. Ночь вернула трезвый рассудок, и страх перед человеком, который вывел из клуба.

Глава 5

Я благодарна, что он вмешался. Что все обошлось и, как он сказал – непоправимого не случилось, но я не хочу с ним ехать. У него аура опасного человека. И что стало с Витой, я не знаю, нас разделили. Я не могла отделаться от мысли, что она еще в клубе.

– Там моя подруга, – сказала я, когда Андрей повел меня к черному БМВ на парковке.

– Ну и что?

– Она одна…

Я безмолвно просила помощи, но Андрей не реагировал. Он вывел меня, но Вита его не трогала.

– Она пусть разбирается сама, – он щелкнул брелоком сигнализации. – Ей будет лучше, если я не вмешаюсь. Садись в машину.

Меня обволакивал сырой весенний воздух, холодный после клуба. Андрей открыл дверь БМВ, пропахшего дымом и дорогой кожей. Инстинкт самосохранения велел убираться и никуда с ним не ездить, но и уйти страшно – как, просто попрощаться и ловить такси одной, словно ничего не случилось? Я вспомнила, как в клубе глотала слезы и не могла дышать от стыда и унижения. Все смотрели на меня, но тронуть уже боялись – потому что он мной заинтересовался. Ему страшно сказать «нет». Вот в чем дело.

Я посмотрела в сторону стоянки, где горели зеленые огоньки.

– Нет, дорогая, – Андрей заставил меня сесть в машину, я даже пискнуть не успела. – Я не могу тебя здесь оставить.

Он обошел авто и сел за руль. Щелкнула блокировка дверей и БМВ рванул с парковки, сливаясь с потоком на ночных улицах. Я хотела крикнуть, но голос не слушался – я мешком сидела в холодном кожаном сиденье, ощущая слабость в ногах.

– Не бойся, я тебя не обижу.

Он сидел ко мне нездоровой стороной лица. Было видно, что ему трудно говорить и он прикладывает усилия, чтобы держать речь четкой. Из-за непослушного угла рта он выглядел угрюмым.

– Куда вы меня везете? – пролепетала я.

Мне кажется, мы ехали в пригород.

– Тебе понравится.

Через некоторое время мы выбрались на пустынную дорогу, а по ней – на склон. БМВ прополз немного вперед, остановился с тихим шелестом, и Андрей заглушил двигатель. Внизу открывался вид на город. Кругом темно, поздно – людей на стихийной смотровой площадке нет. Он погасил фары и на нас навалилась темнота – зато огни города стали ярче. Живописно, но я не могла любоваться видом от нервов. Андрей выбрался наружу, прикурил и остановился перед капотом. Курил, смотрел на город, словно забыл, что я в машине.

Я робко выбралась наружу, ежась в легком жакете. Подождала у дверцы, но Андрей не обернулся. Я подошла поближе и встала перед бампером.

Посмотреть было на что.

С возвышения город выглядел прекрасно. Яркие прямые дороги, развязки и миллион огней. Я выдохнула от восхищения и с губ сорвался пар. Похолодало.

– Замерзла? – доброжелательно спросил Андрей.

– Нет, – соврала я.

В темноте было плохо видно, но, кажется, он усмехнулся.

– Я не мог дать тебе уйти, – Андрей глубоко затянулся и красноватый свет от вспыхнувшего уголька осветил нижнюю часть парализованного лица и застывшие глаза. – Ты бы сразу пошла к ментам.

Я взглянула на пистолет за поясом.

– Я бы не сказала, что у вас оружие… Я бы вообще про вас не сказала. Помогла бы Вите… Она все еще там.

– С ней ничего не случится. После меня настрой у них уже не тот. Скорее всего ее отпустили.

– А меня вы когда отпустите?

Он криво улыбнулся.

– Утром.

Он что, хочет секса? Я сглотнула и отвернулась.

Андрей снял пальто и набросил мне на плечи. Тяжелое. Меня окутало теплом, запахом сигарет и выветрившегося лимонного парфюма. Я присела на капот, глядя на город.

– Вам не холодно в рубашке?

Он покачал головой, наблюдая за мной. Чего ты смотришь?

Я опустила глаза, чувствуя себя неловко. Вцепилась в пальто, удерживая на плечах, закрылась полами. На самом деле я прятала нервозность. Он не зря сказал – до утра. Я ждала, когда он начнет склонять меня к близости. Ухаживать уже начал… Но это приятно.

Он затянулся, красноватый огонек вновь вырвал из темноты острые скулы и мертвые глаза.

Приятно, несмотря на вид… Эти жесты подкупают.

Просто не сегодня.

– Почему вы мне помогли?

Он нахмурился.

А у меня не выходило это из головы – тот взгляд. Он меня не жалел, но меня выбрал, а не Виту.

– Сколько тебе лет? – он шагнул ближе, словно хотел видеть лицо в темноте. Мне стало неловко, наши губы оказались слишком близко.

– Девятнадцать… – пробормотала я, отворачиваясь.

– Я так и думал... – речь стала неразборчивой, Андрей начал глотать звуки. – Она была чуть старше. Двадцать один.

Я решила: «старше» – это про Виту, но нет, он о другой.

Андрей говорил негромко, глаза, которые я видела вблизи, приобрели стеклянный блеск, словно он в прошлом.

– Ее насиловали втроем… Никто ей не помог.

Я перестала дышать от страха. Андрей жадно затянулся.

– Она была… – он задумался, – нежная, такая хрупкая… Я не хотел, чтобы это случилось с тобой, ты бы не выдержала. Как не выдержала она.

Я ему кого-то напомнила.

Он рассказал страшную историю. Было видно, что сам много раз прокрутил ее в голове. Я не знала, о ком он – о сестре, возлюбленной, но о девушке, которая была ему небезразлична. Сырая ночь, наполненная невнятным шепотом и дымом сигарет, стала казаться жуткой. В ней оживали картины, которые он озвучил, я представила себе и ее беспомощность, ее муки… Наверное, это было легко, потому что я сама могла пережить это сегодня, если бы не он.

Вряд ли. Нет, вряд ли. Не так, но ведь это могло случиться.

Андрей замолчал и выдохнул дым.

Мне тоже было нечего сказать.

В повисшей паузе я отчетливо чувствовала его воспоминания. Он ушел в себя, мне кажется, даже перестал помнить, где он, забыл обо мне, весенней ночи и этом прекрасном виде на город. Только ощущал горечь на языке от своих сигарет.

Зачем я спросила?

Зачем он ответил? Выдумал бы что-нибудь. А теперь он в себе, мне неловко. На щеках стало горячо от слез. Так странно: в душе я была спокойна, то ли подавила, то ли еще в полной мере не осознала, что пережила в клубе, и что могло

произойти. Уже не там – и ладно. Ведь спаслась, так? Но история, рассказанная им, меня тронула – она придала ночи красок безысходности. А еще его стало жаль… Сентиментальная девчачья жалость к тому, кому она не нужна.

Я шмыгнула носом, и Андрей наклонился ниже.

– Я тебя испугал?

Я распереживалась, расплакалась и прикрылась от него рукой, чувствуя себя глупо.

– Спасибо, что помогли…

– Пойдем в машину.

Он посадил меня в пассажирское кресло прямо в своем пальто. Вытащив пистолет, Андрей сел за руль. Оружие бросил на приборную доску. Смял салфетку и намочил водой из бутылки. Сжал в кулаке, подержал, безуспешно пытаясь нагреть и стал протирать лицо с заплаканных щек. У него чуткие пальцы, тонко чувствующие. Он словно приручить меня ими пытался, еще диковатую после клуба.

– Я не хотел тебя расстроить. Это было давно.

Он придержал мою голову за подбородок. Холодные, стройные пальцы оказались с твердыми, словно отполированными подушечками. Заметив, что мне неприятно, он убрал руку.

Я почесала холодные следы, оставшиеся на коже.

Мне тоже холодно.

Несмотря на пальто, я продрогла от сырости и стресса. Еще мне неловко, что мы оба молчим, пока он вытирает мне

щеки. В этом не было необходимости. Так что, когда Андрей наклонился слишком близко в следующий раз, я не стала отворачиваться. Мне кажется, мы оба этого хотели.

Я почти точно.

Его губы оказались холодными: со вкусом ментола и сигарет. Я боялась, у него будет что-то с языком, но он развеял сомнения, умело поцеловав меня открытым ртом. Так чувственно, что по телу пробежали мурашки. Первый поцелуй оказался коротким. Он первый перестал. Я открыла глаза, вынырнув из спонтанных, но приятных ощущений.

Нежно поглаживала пальцами его затылок, пытаясь отдышаться, и смотрела в глаза.

У него был затуманенный взгляд.

– Не дразни меня, – прошептал он, когда я начала гладить худые щеки. – Я не смогу остановиться.

Шероховатая кожа искушала к продолжению. Легко ему сказать… В полумраке изъяны лица Андрея не бросались в глаза. Кроме, пожалуй, рта… Я посмотрела на влажные губы. С такого расстояния он должен чувствовать ими мое взволнованное дыхание.

– Не останавливайся, – тихо сказала я.

Глава 6

– Ты об этом пожалеешь.

– Нет...

Он поцеловал мои голодно-ждущие губы.

С удовольствием, с многообещающим вожделением. Это был поцелуй-обещание, за которым последует что-то страстное. Он словно пытался поймать меня на крючок этими ласками, но попался сам. Раз, еще, третий – с каждым поцелуем распалялся сильней. В машине неудобно, теплое пальто упало с плеч, когда я потянулась к нему, сплетая на шее руки. Как от него пахло... Я ткнулась носом в щеку, вдыхая слабый запах лимонной туалетной воды, мяты, холода и сигарет. Андрей подхватил меня под ягодицы и притянул к себе. Я села сверху, и пока мы откровенно целовались взасос, раздвинутыми бедрами ощущала, что он уже возбудился.

Ну нет… Я не пожалею. Не об этом.

Даже если разобьюсь об него вдребезги – любовь для того ведь и дается, правда?

Сначала мне хотелось отблагодарить его за помощь. Я помню его взгляд, когда одевалась там, в клубе, помню, с каким непонятным голодом он смотрел и кажется, для этого и привез сюда.

А если отдаваться – то ему хочу, он больше заслужил, чем кто-либо в моей жизни.

И пусть я его совсем не знаю: кто он и какой в постели, я поняла, что мы оба не хотим расстаться утром, друг друга так и не узнав.

Было неудобно. Тесно. Андрей не отодвинул кресло – просто не успел, захваченный вспышкой спонтанной страсти. Я привстала и неловко мазнула грудью ему по лицу. Это свело его с ума: он попытался жадно найти соски сквозь ткань и порвал лиф, чтобы добраться до тела, в исступлении начал целовать грудь. Он терял над собой контроль. То, что начиналось, как романтичная близость в машине, превращалось в животный секс.

– Андрей, – прошептала я, не остановить хотела… подождать.

Повозиться подольше. Я может, еще поцеловалась бы с ним, мало ли что мы бы придумали… Но в ответ загремела пряжка ремня. Он расстегивал джинсы, очень торопился, опустив голову – вниз смотрел, на свой пах. Я ощущала перенапряженный член. Я на нем сидела.

Мне кажется, в этот момент он обо всем забыл: где мы познакомились и как меня зовут, так ему сорвало крышу. Об одном думал: пальцы скользнули под подол, второй рукой он удержал меня за правую ягодицу. Очень крепко взял – словно вобрать в себя пытался. Я и не думала отодвигаться, не хотела и не могла – некуда. Наоборот… Развела ноги, позволив Андрею сделать то, что он должен был сделать в клубе.

Первое же прикосновение – легкое, почти невесомое, вы-

звало такой трепет, что я застонала. Вспышка страстного желания, возбуждения такой силы, что стало больно. Я выгнулась и оперлась ему на плечи, перенося вес вперед.

Я ему себя предложила, и Андрей медленно проник пальцами внутрь. Это безумно приятно. Он изучал меня и мои реакции, и я запрокинула голову, открыв рот. Хотела ему показать, что мне нравится. Занималась любовью с его пальцами, пока они не оказались во мне полностью, и делала это с закрытыми глазами, стесняясь на него смотреть.

– Ты влажная, – прошептал он.

Дыхание стало сумасшедшим. Обхватив меня за талию, он заставил меня присесть – больше не играет, не ждет, не ласкает – наша прелюдия заняла всего минуту. Слишком мало...

Я немного не этого ждала. Растерялась.

– Андрей, – взволнованно позвала я, ощущая, как технично меня прогнули и направили прямо туда, чтобы насадить на…

– Я предупреждал.

Он так глубоко вошел в меня с первого раза, что я вздрогнула, изо всех сил вдавив пальцы ему в плечи. Со стоном закусила губу – пусть я влажная, но он слишком быстро… Сомнения растворились в первых же импульсивных движениях. Он трахал меня быстро – полностью отдался своим, а не моим желаниям. В исступлении уткнулся губами в шею и укусил. Руки на талии уверенно управляли ритмом моих

бедер. Весь напряженный, даже агрессивный – совсем не похоже на первый ласковый поцелуй, которым он меня соблазнил. Я попробовала привстать, но добилась только того, что Андрей сдавил меня сильнее и, как похотливый кот крепче загнал зубы в шею...

Кажется, я была права.

У него давно никого не было.

Это слишком похоже на секс от страшного голода. Как после долгой разлуки или долгого воздержания. Когда я это поняла, сразу расслабилась – дала ему владеть мной, как хочет. Это не страшно. Если он об этом говорил – что пожалею, то нет… Я сосредоточилась на ощущениях: глубоких беспощадных толчках, хриплом дыхании и зубах на шее, которые делали меня слабой – очень слабой… Он кончил, как только я подстроилась и начала с ним находить что-то, похожее на удовольствие.

А он уже все... Андрей откинулся в кресле.

Я остановилась, рассматривая умиротворенное лицо. В этом состоянии оно стало почти симметричным – только рот немного кривился. Погладила шершавые щеки, прикоснулась к неподвижному уголку рта, ощущая подушечками пальцев прерывистое дыхание. Я чувствовала, что он еще твердый во мне. С какого ты голодного края?..

Ему мало. Не хватило. Еще хочет. Мне тоже этого не хватило.

Ощущая, что я трогаю его, Андрей открыл глаза.

Я улыбнулась, встретив глубокий от сладкого наслаждения, очень льстящий мне взгляд.

– Прости, – хрипло, как пьяный, сказал он. – Я предупреждал, что не остановлюсь… Позволишь мне загладить вину?

Мне очень хотелось спросить, когда у него в последний раз была женщина, но интуитивно побоялась. Растрепанная, сидела на нем с загадочной улыбкой. Почему-то так хочется улыбаться лишь тем парням, с кем только что занималась любовью.

Даже такой странной.

– Раз виноват – заглаживай, – я водила пальцами по его губам.

Он запустил пальцы мне в волосы на затылке и наклонил к себе, впиваясь в рот. В этот раз поцелуй был размеренным. Из него ушла неукротимая страсть, я ощутила и изъян губ, и слегка непослушный язык…

Было уже все равно.

Какая разница – я таяла от ощущений. Мы взаимно двигались навстречу друг другу. Наш второй раз был похож на томный, чувственный танец. В основном выкладывалась я, он не мешал, только помогал иногда. Опытный любовник. Чувствуется, что умеет доставлять удовольствие – если хочет, если есть время… В машине неудобно, но он помог мне найти нужную позу.

Я в раю…

Раньше у меня таких опытных парней не было.

Это что-то новое. Он другой…

В попытках достичь оргазма я ерзала на нем. Постанывала. Получалось глубже, чем всегда – может быть, потому что это второй раз после первого, я разогрета очень сильно. С другими такого не случалось. Ощущения от непривычно глубоких проникновений, судорожное дыхание моего любовника, взгляд его странных глаз, устремленный в никуда, слились в мощный экстаз. Он захватил меня до кончиков пальцев. Ослепил. Погрузил в единственное стремление – закончить, достичь с ним чего-то сладкого, знакомого и незнакомого одновременно.

– Еще, – попросила я, уткнувшись губами в колючую щеку. Мне показалось, он стал быстрее и уже на грани… – Еще, Андрей, не останавливайся…

Я шептала, крепко обхватив его шею. Шептала, понимая, что просить уже не надо, голос становился слабее, ногти сами впиваются ему в кожу, а я задыхаюсь. И стало так хорошо, что я прижалась открытым ртом к скуле Андрея, чтобы заглушить крик.

Мы затихли.

Холодно и сладко. Пот густел на коже.

Я положила голову ему на плечо, закрыла глаза. Ах, боже мой, что со мной… Меня разбирала дрожь. Дрожали перенапряженные мышцы бедер, работавшие до самоотречения в стремлении достичь с ним оргазма. Дрожали руки, которыми я обхватила его шею.

Как хочется спать…

Мы даже презерватив не надели. Ни в первый, ни во второй раз. Ну, ничего. У меня безопасные дни.

– Как ты? Хорошо было? – он убрал прилипшие к лицу влажные от пота волосы и поцеловал в ушко. Приятно щекочущее дыхание сместилось ниже – он готовился целовать шею.

– Очень…

Я подняла тяжелую голову и ласково посмотрела в глаза. Не буду врать, в них ничего особенно не изменилось. Только усталости больше стало.

– Переночуешь со мной, моя девочка?

В него можно было влюбиться только за один голос. Мягкий, хриплый от усталости и сладкой неги, немножко неразборчивый. За безжизненные глаза: они пугали, потому что были непонятны, но и обладали невероятным магнетизмом.

И он спас меня.

– Да, – прошептала я, самозабвенно целуя вспотевшее лицо. – Да…

В темноте не видно шрамов, но губами я ощущала их шероховатую поверхность. Шептала, задыхаясь от блаженства и тихой эйфории.

Вот так я и попалась.

Он позвал, а я побежала за ним прямо в бездну, не понимая, что за тьмой скрывается ад.

Глава 7

Он отвез меня в ближайшую гостиницу.

Документы не проверяли – Андрей просто заплатил. По нам было видно, для чего нам понадобился номер в ночи: мои щеки горели лихорадочным румянцем, губы истерзаны поцелуями, ну а Андрей… Почему-то по мужчинам всегда видно, что они собираются заняться сексом прямо сейчас.

Он начал целовать меня еще в коридоре. Голод был в каждом движении, каждом вдохе – соскучился по женской ласке.

– Ты еще хочешь? – между поцелуями спросила я.

– Да.

– Мне нужно в душ…

– Потом, – он открыл дверь, и мы ворвались в комнату.

По дороге я не спросила, кто он и куда меня везет: я хотела приключений, и я их нашла. В начале вечера были наивные мысли насолить Валере, заставить его ревновать, но я угодила к настоящему дьяволу, я поняла это, оказавшись в его руках.

Мы не включили свет.

Ночь была лунной.

Серебристый свет падал через окно на нашу будущую постель, куда он меня повалил. Пальто бросил рядом с кроватью и выпрямился. Я смотрела, как он расстегивает рубашку. Мы даже голыми друг друга не видели. Я очень хотела

посмотреть.

Андрей сбросил черную рубашку. В глаза бросилась дорожка темных волос, уходящая по животу вниз, она пряталась под ремнем джинсов. Грудь высоко поднималась от возбужденного дыхания. Он был хорошо сложен, с поджарой фигурой – у меня дыхание перехватило от рельефа. Жилистый и сильный даже на вид. Все портили шрамы. Бугристые, некрасивые отметины на груди и животе. Уже побелевшие от времени, но они мгновенно сбили эротический настрой. Потому что вызвали вопросы. Их слишком много. Когда видишь такое, первый вопрос – что с ним случилось, вашу мать?..

– Андрей… – испуганно прошептали губы.

Я подняла глаза и когда мы встретились взглядами, поняла, что ему на все плевать. На то, как я смотрю – тоже. Он меня хотел и все. Это не страсть – одержимость. Я соблазнительно выглядела на кровати, залитой лунным светом: длинные волосы разметались по покрывалу, в порванный лиф платья выглядывала грудь, подол задрался… Все равно я не понимала, почему его так кроет.

Но это приятно, когда мужчина сходит по тебе с ума.

Меня никогда так не хотели.

– Иди ко мне, – я расслабленно легла на спину и протянула к нему руки.

Не знаю, куда нас заведет эта страсть. Я могла думать только о моем новом любовнике, а он обо мне. Дрожащими

пальцами Андрей расстегнул ремень и пуговицу джинсов. Я смотрела на то, что ниже – на распертую ширинку джинсов. Он раздел меня: сорвал сапожки, платье, лифчик, стянул трусы – как варвар. Терзал мою грудь, заставляя выгибаться на постели, смотрел, как постанывая, я кусаю себе губы, отдаюсь, кусаю губы ему, схожу с ума и прошу еще.

Это было не как в машине. Там он утолял жажду, в гостиничном номере – развлекался. Крутил меня, играл со мной, как будто за один раз хотел перепробовать все, что пришло ему в голову за несколько лет.

Раскладывал меня на кровати то так, то этак, пока, наконец, не взял сзади, щекой вдавив в подушку.

– Как ощущения? – тихо, на выдохе, спросил он, когда я застонала.

Я не смогла ответить, нечленораздельно промычав в ответ, и кусая себе руку. Когда секса так много, он становится невыносимо сладок. Нестерпимо. Хочется молить – остановись! А когда останавливался, я извивалась и просила продолжить. К тому моменту, как все закончилось, я искусала себе губы и пальцы. Он совсем меня измучил. Отпустит ли вообще живой?

Он сильно прижался к моим ягодицам животом, содрогаясь. Сжал талию крепкими руками. Всё… Открытым ртом я дышала в подушку, из-под закрытых век неожиданно выкатились слезы – он меня так эмоционально переполнил, что я не смогла сдержаться. Последние толчки – самые сладкие и

мучительные – прекратились.

– Прости, не сдержался, – хрипло и неразборчиво сказал он, в последний раз прижимаясь бедрами. – Лена… Тебе нужно что-нибудь купить. Я не надел резинку. Ни разу.

Изнеможенная долгим сексом, я свернулась в калачик и вздохнула.

Вспомнил.

Столько паники в голосе.

В машине его хватило на минутную прелюдию, прежде чем от страсти сорвало крышу, и он меня не отымел. По-другому не назовешь. Так я ему голову вскружила – обо всем забыл. Теперь жалеет, что раз пять в меня кончил.

– Ты за это извинялся? – я улыбнулась с закрытыми глазами. – У меня безопасные дни, не беспокойся.

– Это что? Это надежно?

– Да… – я не хотела вдаваться в детали, сил не было.

Андрей упал рядом, и минут десять мы могли только лежать и дышать. Как здесь пахло сексом… Крышесносно. Он с пола подобрал сигареты и закурил. К запаху секса добавился приятный аромат дыма.

Как это бывает с мужчинами, после интима Андрей ушел в себя.

Я следила за ним, непонятным и закрытым: он курил, зажав сигарету в неработающем углу рта, и смотрел в потолок погасшими от усталости глазами. Я щекой прижалась к плечу, глядя на шрамы. В машине было темно, хорошо, что

узнала о них постфактум, иначе бы испугалась… Пока мы занимались любовью, я о них вообще не помнила.

– От чего это? – я провела по рубцам, и Андрей перехватил руку, словно ему больно.

– Не трогай. Это после службы.

– Ты воевал?

– Да.

У меня был миллион вопросов, но я молчала, шестым чувством улавливая, что он не скажет о себе правды. Не сейчас. На один вопрос я все же решилась.

– Ты давно один? – спросила я.

Не ври, что нет. Я почувствовала.

Но он молчал.

– Лучше поговорим о тебе.

Я заинтересованно привстала. Андрей погладил мой подбородок: добивался, чтобы я улыбнулась. Подушечка пальца задержалась на губах. Она пахла сигаретой.

– Ты бы хотела со мной встречаться? Например, два-три раза в неделю.

Звучало так, словно он попробовал меня, ему понравилось и теперь предлагает стать его любовницей. Я бы решила, что он женат, если бы не мужской голод, который он полночи со мной удовлетворял. У женатых такого не бывает.

Такого голода вообще не бывает.

Я рассматривала жесткие глаза и худое лицо, пока он ласкал мои губы. Слегка щурился от дыма. Такой закрытый

мужчина… Непонятный. А ведь они его боялись, вспомнила я. В клубе. Даже смотреть в его сторону не хотели, когда он вошел в комнату, где мучили меня. Даже партнер не остановил его, хотя был против, чтобы Андрей вмешался.

Затем вспомнила секс в БМВ. Второй раз.

Я задумчиво поцеловала кончик пальца, и сказала правду:

– Хотела бы.

– Теперь иди в душ, – разрешил он.

Я встала и потянулась у него на глазах, демонстрируя тело.

Валера с меня писал обнаженную натуру. Так мы и познакомились – я пришла к нему натурщицей. Андрей смотрел без эмоций. Курил, но я видела, что ему нравится моя красивая поза. Я улыбнулась и ушла в ванную.

Мы будем встречаться… От этой перспективы в животе одновременно стало сладко и холодно от страха.

Утром Андрей принял душ – я проснулась от шума воды.

Вышел в одном полотенце и сразу полез ко мне. Развел безвольные ноги и взял меня, наслаждаясь разморенным горячим телом. Я была к нему готова – еще с ночи. Наша утренняя возня окончательно меня разбудила: ритмичные покачивания, тяжесть мужского тела, хриплое дыхание. Андрей поднялся на руках и я смогла любоваться напряженными бицепсами. Он дышал открытым ртом, сосредоточенный взгляд устремился в одну точку, словно он вот-вот…

Удовлетворившись, он лег на меня.

Я почувствовала горячее дыхание в шею. Гладя висок,

Андрей повернул голову.

– Я тебя отвезу… – прошептал он. – Где ты живешь?

Я прикусила губу. Нигде. Но прежде чем отправиться в клуб, мы вроде как договорились, что я поживу у Виты и надо проверить, как она там. Это я всю ночь стонала от счастья, а с ней что?

Я назвала адрес подруги.

Он встал, раскурил сигарету и одновременно начал одеваться. В движениях появилась медлительность, которой не было вчера. Хорошо расслабился. На спине тоже оказались шрамы. Я наклонилась за платьем – порвано на груди, белье тоже не в порядке. Кое-как оделась и застегнула жакет.

Он все-таки отпустит меня, как сказал. Утром, оттрахав напоследок.

– Пора ехать, – набросив рубашку, Андрей ненасытно поцеловал меня. – Моя девочка…

Сначала нижнюю, затем верхнюю губу и только затем влез языком мне в рот. Какой он горький от смол и никотина... Но я опьянела от поцелуя. Андрей держал меня за шею, и я перехватила запястья, чтобы подольше не отпускал.

– Давай договоримся, ты не задаешь вопросов. Звонить и назначать встречи буду сам, – я кивнула, шепча, что согласна. – О том, что было в клубе, не волнуйся. Я все улажу. Держи…

Он достал из кармана туго свернутые купюры.

– Это не за ночь тебе. На платье, – он несимметрично

улыбнулся, иронично и мягко, только поэтому я, помедлив, несмело их взяла.

Когда он подвез меня, я попросила:

– Не заезжай во двор, – не хотела, чтобы меня видели в его машине.

Андрей притерся к обочине.

– Я позвоню.

Прощальный поцелуй, и я выпорхнула из БМВ. Обернулась на полпути, глядя на агрессивно-черное авто Андрея, и вошла в подъезд. Болело все, пока я поднималась на Витин этаж. Уже позвонив в дверь, вспомнила, что ключей у меня нет и если она не дома – я попала… Но подруга открыла сразу же. Заплаканная до туши, стекшей на белую шею. Она была в пушистом фиолетовом халате, который надевала, если совсем плохо… Когда ее бросил парень, она в этом халате даже спала.

Горько разрыдавшись, Вита повисла у меня на шее.

– Леночка… Прости, – она уже давно плачет, голос осип и стал низким, в нем было столько боли, что я за нее испугалась. – Я всех подставила, нам конец…

Глава 8

– Что случилось? – я отстранила ее за плечи.

Вита ревела всю ночь. Косметику со вчерашнего вечера не смыла, под халатом кожаная юбка и топ, в которых ходила в клуб, отекшая, с покрасневшими от туши и бессонной ночи глазами. Я боялась, ее изнасиловали.

Не ответив, она вновь упала мне в руки, рыдая.

– Господи… – растерянно пробормотала я. – Пойдем на кухню.

Там Вита села на стул и согнулась, спрятав лицо в ладонях. Я смотрела на снежно-белую макушку подруги и ждала продолжения.

Неужели это правда? Пока я наслаждалась лунной ночью с Андреем, ее насиловали? Как спрашивают о таких вещах? Я вспомнила рассказ Андрея о групповом изнасиловании небезразличной ему девушки, и внутри все перевернулось.

– Вита… А что было когда… – чуть не сказала, «когда мы ушли». – Когда нас развели по комнатам?

Она подняла заплаканное лицо.

– А с тобой?

Подруга будто в чем-то меня подозревала.

– О чем ты? – опешила я. – Это ты меня обманула!

Я с вызовом сложила руки на груди, и расстегнула тугой жакет – стало неудобно. Вита уставилась на порванный лиф

платья. Ах, черт… Я и забыла, что Андрей мне все порвал от страсти.

– Я думала, Максим все уладит, как всегда… Я же была там с тобой… – пробормотала она. – Наших избили. И теперь мы им должны за то, что якобы что-то украли в клубе! Валера, я, остальные ребята… Они поставили нас на счетчик! Мы должны им огромные деньги!

Не похоже, что Виту насиловали. Она сильнее о деньгах печется.

Максим – это, наверное, тот гнусный тип со входа, с которым у нее роман, то ли просто койка общая. Почему-то их было совсем не жалко. Я пожала плечами.

– Пусть Валера заплатит. У него есть.

– А тебя это что, не касается? – она снова разревелась, красные глаза стали мутными. – Они сказали, что придут… И к нам тоже…

Подруга съежилась, видно, деньги действительно большие, раз для нее это катастрофа. До мажорной компании она не дотягивала, но родители ее обеспечивали хорошо. У меня все печальнее.

Какое счастье, что Андрей обещал уладить проблемы за меня…

– Я не поняла… – Вита тяжело сглотнула слезы. – А ты где была всю ночь? – она вновь уставилась на рваное платье. – Ты чего такая растрепанная, довольная, и ничего не боишься? Ты с ними уже?.. Расплатилась, что ли?..

Несказанное слово повисло в воздухе.

Она думает, я платила натурой…

Я включила кофеварку, игнорируя Витин взгляд. Мне нужно выпить кофе… Повернулась спиной, делая вид, что занята. Черт, получается, так и есть. Только не с теми уродами расплачивалась, а с другим мужчиной.

– Ты знаешь тех мужчин…– я помедлила, нервно облизнув губы. – Тех двух, которые пришли потом?.. Кто они?

– Не видела раньше, – Вита вспомнила, что меня оставили наедине с Андреем. Он при всех говорил, что я ему нравлюсь. – Лена, что он с тобой сделал?

Я налила себе кофе, но под пристальным взглядом Виты осилила всего несколько глотков.

– Извини… – я поставила чашку на стол. – Мне нужно в душ.

Боже, зачем я это сказала?

– Лена!.. – прокричала она, когда я укрылась за закрытой дверью.

Я набрала ванну, напустила цветочной пены и расслабленно вытянулась в теплой воде. Как хорошо… Я закрыла глаза. После многократного секса все болело. От неудобных кресел БМВ на коленях будут синяки. На мне еще остался пот Андрея, запах его сигарет.

Интересный человек.

Необычный, пугающий, но как ко всему опасному, к нему тянет. На огонь тоже хочется лететь, хотя знаешь, что сго-

ришь и как будет больно.

Я выбралась из ванны и завернулась в огромное розовое полотенце Виты. Оно закрывало меня от шеи до пят и больше напоминало махровое покрывало. Моего любимого крема не было, я воспользовалась Витиным – с ароматом французской ванили, высушила волосы. Телефон зазвонил, как только я легла.

– Да, – я ответила с закрытыми глазами.

– Привет. Как самочувствие?

Я тут же распахнула глаза и улыбнулась.

– Андрей...

Больше ничего не смогла сказать, слушала его странный мягкий говор.

– Встретимся вечером. Я заеду в девять, до встречи, моя девочка.

Я убрала телефон и откинулась на подушку, мечтательно накрутила прядь светлых волос на палец.

Уже оголодал без меня...

Как же меня влекло к этому загадочному одинокому мужчине, к его темным страстям. Я задремала, отдыхая перед вечером. Предвкушала нашу встречу. Собираться начала еще в семь.

– Вита! – я появилась на пороге комнаты подруги. – Можешь одолжить платье?

Нахохлившись в любимом фиолетовом халате, она сидела на кровати с ноутбуком. Рядом дымилась кружка какао. Пе-

реписывается с кем-то в попытках отыскать денег.

– Куда-то идешь? – она обернулась.

– У меня встреча, – я не стала говорить про свидание.

Вита безразлично пожала плечами.

– Бери, если хочешь.

Я распахнула шкаф и выбрала черное кружевное платье. Облегающее, как все в гардеробе Виты. Я помяла нежную материю в руках. У меня даже смены белья нет. Все у Валеры осталось. Нужно купить, а еще лучше собраться с духом и сходить за вещами. Съехать от Виты, но на все денег не хватит… Я прикусила губу. Я серьезно экономила, когда жила у Валеры – отдельная квартира мне не по карману, только комната, да и то… Финансы с подработок уходили на учебу и быт.

Деньги можно попросить у Андрея.

Он не бедный, не жадный – уже дал, хотя мы всего одну ночь провели вместе. Нет, не наберусь смелости: не научилась просить у мужчин. Я нанесла дымчатый макияж на глаза, от волнения сжала в кулаке помаду.

Я, конечно, красотка. Меня смущает, что я хочу ему понравиться.

Мне даже Валере так нравиться не хотелось, как случайному мужчине, с которым я переспала в БМВ через несколько минут, как он этого захотел.

Он точно дьявол.

Мой дьявол.

В этот раз он въехал во двор. Я спустилась и села в пропахший кожей и табаком салон БМВ. Здесь с прошлой ночи еще пахло нами. Греховный запах крышесносной страсти.

– Моя девочка, – невнятно сказал Андрей.

Я поцеловала его, ощущая под ладонями шрамы на щеках. На мне был плащ, подходивший к сырой ночи, сапожки на высоком каблуке, и восхитительное платье. Я была готова веселиться до утра. Но увидев в окно сиреневую вывеску и черное крыльцо, когда мы приехали, я с мольбой взглянула на Андрея.

– Мы пойдем туда?

– Не волнуйся, – он улыбнулся. – Я все уладил. Ты мне не веришь?

Кривоватая улыбка придала уверенности, и я выбралась из машины. Главное, не думать, что было в клубе вчера. Надеюсь, никого из своих палачей не встречу. Нас пропустили без очереди, я заметила, что охрана на входе другая.

В фойе он сказал:

– Подожди в баре, возьми коктейль, я вернусь через минуту.

– Куда ты? – я прильнула к нему всем телом, чувствуя себя уязвимой. – Не оставляй меня одну, пожалуйста…

– Никто тебя не тронет. Мне нужно поговорить с партнером.

Андрей отвел меня к стойке и когда бармен метнулся к нам, сказал:

– Сделай девочке коктейль. Она со мной.

Тот кивнул.

Я вздохнула и вскарабкалась на барный стул. Передо мной поставили бокал, забитый льдом, с прозрачно-голубым содержимым. Через минуту в бар вошла смутно знакомая блондинка с пышными формами и села через стул. Вульгарный макияж, чулки-сетка, сверхкороткая кожаная юбка красного цвета – униформа путаны. Цинично вздохнув, она прикурила и уставилась на меня. Я ее узнала: вчера она выступала перед Шелеховым на пилоне. Значит, мужчины обсуждают дела.

Я даже не спросила, чем Андрей занимается.

– Шеф сегодня будет? – крикнула путана бармену.

Тот покачал головой.

– Налей покрепче что-нибудь… Говорят, он по тупости сучку бандитскую облапал и ему пальцы дверью сломали, представляешь?

Тот что-то буркнул и взглядом показал на меня. Не хотят говорить при гостье, я им чужая, а эти двое судя по работе в клубе, хорошо друг друга знают… Но я уже поняла, что речь шла о владельце заведения, и с чувством глубокого удовлетворения выдохнула.

Так ему и надо.

Есть справедливость на свете. Со своими гадкими замашками, он не на того нарвался. Я немного расслабилась, словно до этого боялась, что тот вот-вот появится за спиной, и с

интересом попробовала коктейль.

Холодно и сладко.

Я заметила, что путана вновь пялится на меня.

– Это не ты вчера друга Сережи обслуживала?

Я пожала плечами и чтобы она не приставала, соскользнула со стула и направилась в зал. Гремела музыка. Во вспышках света и бело-сиреневой дымке, поддавшись сиюминутному настроению, я подняла руки, изгибаясь, танцуя с закрытыми глазами и отдаваясь музыке, как любовнику. Не заметив, что Андрей давно стоит в проеме и смотрит на меня.

Я улыбнулась, подманивая поближе, и обвила шею руками, когда он подошел. Вокруг никого не было, словно на танцполе остались только мы. Он щекотно ткнулся в ухо, потом поцеловал взасос. Язык проскользнул в мой рот так далеко, как смог. В теле вибрировали басы, после коктейля было хорошо и легко.

Поцелуй Андрея вызывал ощущение счастья. Эйфория, как бабочка, билась в груди.

– Пойдем наверх, – прошептал он непослушными губами. – У меня для тебя подарок.

Глава 9

Он привел меня в приват-комнату.

Там ждал стол, накурено. Виски разлит по стаканам, брошены карты, в пепельнице окурки, но никого нет, словно все на минуту отлучились. Андрей сел на диван, я шлепнулась ему на колени и вопросительно улыбнулась.

О каком подарке речь?

Андрей порылся в кармане и растянул в пальцах браслет, усеянный сияющими бриллиантами. Я не поняла, что это они, пока не взглянула на бирку. Золото, бриллианты, а от цены я открыла рот.

– Ты сумасшедший… – я поерзала на коленях и прильнула, целуя в изуродованную щеку. – Спасибо, милый.

– Моей девочке, – невнятно пробормотал он.

Выкидным ножом срезал бирку и помог надеть браслет. Комната заполнялась людьми. Пришел Шелехов и незнакомый парень. Путана из бара села рядом с Шелеховым и начала прислуживать за столом.

Мужчины выпили, Шелехов раздал карты – Андрей тоже вступил в игру.

Я сидела на коленях, расслабленно обняв за шею, и отстраненно играла с браслетом. Он был украшен золотой бабочкой. Валера – упакованный парень – мне таких вещей не покупал. Андрей преподнес подарок, словно он ничего

не стоил. У него можно попросить денег… Если я осмелюсь рассказать о своих проблемах.

Ведь знаю – поможет, но какая-то неуверенность мешает сказать: помоги. Мне нужны деньги, нужна забота, а взамен я подарю тепло и женскую ласку, по которым ты так соскучился.

Мне разговоры за столом были скучны, а в картах я ничего не понимаю. Пахло дымом и алкоголем. Я перебирала волосы Андрея и представляла, какой будет ночь. Наверное, слишком откровенно ерзала. Выдержал он недолго. Сыграл партию, выкурил сигарету и бросил карты.

– Нам пора, парни.

Он встал из-за стола, неожиданно подхватив меня на руки. Я вскрикнула и рассмеялась. Он легко вынес меня в коридор, и ногой открыл противоположную дверь.

Я этого момента ждала весь вечер.

Я поняла, чем он меня зацепил.

Голод.

Это дьявольское искушение – утолять такой голод. С прошлой ночи мы успели соскучиться, поэтому Андрей назначил встречу так быстро.

Сегодня он заслужил что-нибудь особенное.

Когда Андрей бросил меня на кровать, я сползла на колени на пол и взялась за ремень. Руки дрожали от острых ощущений, пока я расстегивала пряжку. Обычно так быстро я оральным сексом не занимаюсь – не на первом и не на вто-

ром свидании…

Сегодня исключение.

Голова кружилась от коктейля и моей смелости. А еще от шикарного браслета на запястье. Когда Андрей понял, чего я хочу – начал лихорадочно помогать. Расстегнуть тугую ширинку было трудно.

– Лена, – выдохнул он, когда я все-таки добралась до того, что под ней.

От жадности обхватила двумя руками – хотелось сделать ему приятно. Прошлой ночью у нас установился взаимообмен: сначала он, потом я. Сейчас его очередь наслаждаться.

Он не торопил.

Дал поупражняться неумелым, но усердным губам и языку. Не могу назвать себя профессионалкой, но я знала, что нужно делать и как. Пока я старалась, он гладил мой затылок, но не дал довести себя до оргазма – разложил на постели. Ему было мало рта – он хотел меня остро, страстно, примитивно. Как животному, чтобы удовлетворить инстинкт. Накрыл собой, под коленку подхватил ногу и выгнул так, как ему удобно. Как же он отличался от Валеры… Жилистый, энергичный, необузданный. Каждым рывком, тяжелым дыханием он говорил – ты нужна мне, девочка, очень нужна, прямо сейчас. Под натиском этой первобытной страсти можно было только сдаться.

– Андрей… – выдыхала и хрипела я при особенно мощных толчках, сцепив руки на шрамированной спине.

Я всегда мечтала о большой любви, которой достойны хорошие девочки. Когда повстречала мальчика из золотой молодежи, эти мечты даже начали исполняться. Первые несколько месяцев. Оказалось, золотые мальчики позволяют любить себя, а сами мало кого любят.

Мужчина, который ненасытно имел меня, в те мечты не вписывался.

Я не могла понять, чем он мне так нравится и почему ему хочется отдаваться. Рядом с рафинированным Валерой небо и земля. От него пахнет табаком и чем-то еще – незнакомым и опасным. Он старше и в шрамах, у него мускулистое тело и хищные повадки. Может быть, древние инстинкты, которые позволяли женщинам выживать, говорят – с ним будешь сыта и в безопасности, такой защитит детей и тебя. При прямом столкновении с конкурентом за мое тело, он бы вышел победителем, и я бы все равно стала его.

Поэтому согласилась на встречи. Окунулась в стремительный роман, как некоторые прыгают в море с утеса. Страшно, но захватывающе. Сначала собираешь всю смелость, но потом – блаженство.

Так и с ним.

Кем бы он ни был.

Когда все закончилось, я прильнула к нему понежиться. Между ног было горячо и влажно – он кончил в меня, уже не спрашивая.

– Какие планы на утро? – хрипло после секса спросил Ан-

дрей, обняв меня мужским движением, словно он мой хозяин. Так мужчины обнимают женщин, с которыми у них давняя связь.

Очень приятные объятия.

– У меня завтра пары, – вздохнула я, прощаясь с сумасшедшими выходными – пора возвращаться в будни. – На учебу иду.

– На кого учишься?

– Дизайн, – пробормотала я. – Вообще я художница, но решила на дизайн поступать. Сейчас на третьем курсе.

– Художница? – Андрей усмехнулся. – Ты серьезно?

– Ничего смешного. А ты кем работаешь?

Он забросил руку за голову и уставился в потолок.

– Военнослужащий. Мотаюсь в командировки.

– И кто ты? – уточнила я.

– Снайпер.

Значит, так ты заработал на браслет с бриллиантами?

Поэтому такой голодный? Давно не было женщины, потому что воевал?

Андрей вдруг стал выглядеть старше – вокруг глаз собрались морщинки. И асимметрия лица проявилась ярче. Напрягся. Тема ему неприятна. Я провела пальцем под нижним веком, словно хотела стереть это напряжение. В глаза Андрея вернулась темнота. Та самая, с которой он безразлично пялился на меня, раздетую и плачущую. Сейчас эта тьма была совсем рядом.

– Ты знаешь, что у тебя очень красивые глаза? – спросила я. – Я таких больше ни у кого не видела.

От неожиданности Андрей нахмурился. Сейчас решит, что я его жалею.

А я правду сказала.

Не потому, что он в шрамах. В нем было что-то, чего нет в других, поэтому он красив.

– Я таких странных девчонок тоже не встречал, – он сжал мою грудь. – Помнишь, мы договаривались? Ты не задаешь вопросов. Лучше, повернись, моя девочка.

Я же говорила: ненасытный.

Но я повернулась к нему ягодицами, потому что пообещала не трепать языком, и застонала себе в руку, когда он овладел мной. Подольше бы оставаться в этом сладком тумане…

Я хотела, чтобы сказанное им оказалось правдой.

Он похож на военного – и эти шрамы, их ведь что-то оставило? Но оружие, круг знакомств, дорогие подарки, машина. И он не хотел пересекаться с полицией. Пока я была рада, что он позволил мне заблуждаться.

Через несколько дней Андрей снял мне отдельную квартиру.

У него были свои ключи, хотя со мной он не стал съезжаться. Иногда приходил ночью, раздевался, лез в постель – спала я или ждала его, все заканчивалось одинаково. Мы теряли друг от друга голову. Андрей хотел забыться со мной, это он и делал…

А еще через две недели я поняла, что кажется, ошиблась в расчетах. Мой всегда стабильный и ответственный цикл неожиданно дал сбой.

Задержка.

В первый раз.

Обливаясь холодным потом, я сидела на унитазе и с видом камикадзе ждала, когда проявится тест.

Глава 10

Почему-то тесты всегда делают жизнерадостных цветов, словно это огромное счастье – залететь от опасного любовника.

Этот был розовым.

С двумя четкими ярко-малиновыми полосками.

Я перестала дышать.

Беспокойство возникло еще вечером, но я решила подождать, пока уйдет Андрей… Беременна. Я уткнулась носом в колени. Верх фланелевой пижамы съехал с плеча.

Что я ему скажу?..

Я ощутила себя маленькой девочкой, которая оказалась ночью в лесу. Мы знакомы две недели. Слишком мало для серьезных отношений. Сама сказала: все безопасно – и в первый же месяц такая новость. Представив выражение его глаз, я чуть не заплакала.

Он решит, что я вру.

Или пытаюсь повесить на него чужого ребенка.

Мужчины недоверчивы.

Я сжала губы, сглотнула, чувствуя боль в горле, и вышла из ванной. Телефон лежал на кухонном столе. Белый стол, черная ваза, ветка душистой мимозы…

Цветы принес Андрей. Вчера.

Не знаю, придет ли сегодня – он никогда не предупре-

ждал, а если позвонить, телефон всегда оказывался отключенным. Сначала эти игры, напоминающие тайный роман, были интересными. Но к чему прятки, если он неженат – а я точно знаю, что нет?

Подумав, я набрала его номер: отключен.

Со вздохом упала за стол, вкопавшись пальцами в волосы. Прислушалась к смятению внутри, не понимая – что делать. Ах, мамочка, как бы я хотела, чтобы ты обняла меня и дала совет…

Мама умерла два года назад, пьяный ублюдок сбил ее на переходе. Год я жила у тети, затем приехала покорять столицу. Это мамина мечта, чтобы я стала художницей. Она желала мне счастья, карьеры, самореализации – всего того, чего не было у нее. Но было главное – она безумно меня любила.

Как мне ее не хватает…

Я повернула браслет на запястье – бабочкой вверх. Андрей снял мне хорошую квартиру в центре: уютную, светлую. С теплым полом и красивым видом из окна. Место еще лучше, чем у Валеры. Вещи я пока не перевозила – не набралась смелости сходить за ними к бывшему… У нас все только началось. Почему всегда так? Что за несправедливость? Только жизнь стала налаживаться, как вдруг все летит кувырком.

Меня мотало между отчаянием и надеждой. От розово-зефирных фантазий, в которых он сделает предложение, услышав о беременности, до черного реализма, в котором в лучшем случае отправит на аборт, а то и просто вышвырнет. За-

чем ему проблемы…

Некоторые девушки не говорят. Тайком делают аборт и все идет, как прежде. Моя подруга так сделала. Ей тоже было девятнадцать и чадо в ее будущие карьерные планы не вписывалось. Она всегда была решительной и знала, как поступить.

А я не смогу притвориться, что все хорошо.

Просто не смогу.

Вспоминала сильное тело в шрамах, пустые глаза Андрея, его мягкую улыбку, и пыталась представить, нужны такому мужчине дети или нет, на самом деле зная ответ.

Он пришел вечером, около семи.

Открыл своим ключом, к этому моменту, прокрутив в голове тысячи вариантов развития событий, я испытала обреченную радость, что все, наконец, разрешится. Я ему скажу – и будь, что будет.

– Лена, – он появился на пороге кухни.

– Привет, – я робко встала из-за стола, не зная, как начать.

Андрей мрачно привалился к косяку, рассматривая меня. Отстраненный. В расстегнутом пальто, за ремнем сегодня оружия не было. Несколько раз он приходил вооруженным, но я не задавала вопросов. Линии худого лица были жесткими: четко проступили скулы, подчеркнув впалые щеки. Рот прямой, без выражения, уставший. Когда он не улыбается, то пугает – не специально, просто становится видна его внутренняя темнота. Мне очень нравилось его лицо.

Горький рот. Его глаза. Я могла разглядывать его часами. Но в пустом взгляде Андрея растворялись мои фантазии и мечты. Разбивались о камни.

У меня екнуло сердце. Я не хочу тебя терять.

Не хочу…

– Ты такая красивая, – устало прошептал он.

Я с самого утра ходила в бежевой пижаме, распущенные волосы просто перекинула вперед, и на мне ни грамма косметики. Мне кажется, у него что-то случилось. Андрей такой задумчивый, погруженный в себя. До этого он так на меня не смотрел – как на тихую гавань.

– Я ненадолго, – он вошел в ванную, зашумела вода. – Сегодня не смогу остаться.

Я уронила голову, радуясь передышке. Даже начать не могу. Слова путаются. «Андрей, мне жаль, но я беременна», – начала я про себя. Сейчас он выйдет и я скажу. Я его не боюсь…

Скрипнула дверь ванной.

– Это что? – тест я оставила на краю раковины, и сейчас Андрей держал его в руках. – Это твое, Лена?

Я так испугалась, что не смогла издать ни звука.

– Ты беременна?

– Да, – слова обожгли мне горло.

Темные глаза не изменились. Бархатисто-мягкие в глубине, но чем дольше я в них смотрела, тем сильнее понимала, что это притворство.

Андрей очень жесткий человек.

Он не удивился, не испугался, и не обрадовался – никак не отреагировал на новость. Словно она не имела к нему отношения. Какая-то девушка забеременела от полузнакомого парня, сотни таких историй, ему-то что?

Пока он молчал, я тысячу раз на осколки рассыпалась.

– Ты сказала, что предохраняешься. Как так, Лена?

– Это бывает, – я нервно облизала губы. – Стопроцентных способов нет…

Меня тошнило от жалкого лепета, который я издаю. Сейчас он скажет: сама виновата. Он предлагал таблетки после страстного соития в наш первый раз. Это я убедила, что все будет отлично.

Андрей начал рыться в карманах.

Сейчас даст денег.

Добавит: давай, красотка, решай свои проблемы сама, у нас была случайная связь. Для таких мужчин дети и беременность – женская забота…

Вместо денег Андрей достал пачку сигарет. Сунул сигарету в здоровый угол рта и жадно прикурил, словно долго был без дыма, как без воздуха. Глубоко затянулся, и клубы поплыли по комнате. Я старалась не кашлять, и ждала, ждала любой реакции. Он думал. И вдруг рассмеялся, но смех был невеселым, больным. Таким жутким, что я подобралась.

– Моя девочка… – я вздрогнула, когда он подошел, в глазах была чудовищная усталость от жизни. Он погладил щеку

ладонью. – И чего ты от меня теперь ждешь?

Не знаю. Зачем девушки приходят с этой новостью к отцу ребенка? Поступить порядочно, выслушать его сторону.

Но мне кажется, он знает про розовые облака в моей голове.

Над ними он и смеялся.

– Тебе всего девятнадцать, – у него уставший голос. – Ты не знаешь, кто я. Я не могу иметь детей, не могу дать тебе то, чего ты хочешь и чего несомненно заслуживаешь.

Андрей подошел к столу, из кармана все-таки появились деньги.

Он положил их на край.

Когда он вернулся, я с каменным лицом смотрела мимо. Просто поняла – взгляну в глаза, непременно заплачу, а я не хочу реветь, как дура, не хочу, чтобы он знал, что разбивает мне сердце.

– Лучшее, что ты можешь сделать – аборт. Все быстро пройдет. Лет через десять, когда все поймешь, ты скажешь мне спасибо. Прости, девочка, – он поцеловал мои безжизненные, уже чуть солоноватые губы и вздохнул. – Наверное, сегодня придется остаться с тобой.

– Не утруждайся, – сдавленно ответила я.

Кончики пальцев, которыми он гладил мне лицо, стали влажными.

– Завтра сходим к врачу, я помогу. Ничего страшного, Лена, это решаемая проблема. Не плачь, девочка… Не расстра-

ивайся.

Хуже всего, что он начал утешать, а не просто сунул деньги и ушел. У многих в моем возрасте была такая история: нежданная беременность, ненадежный парень, аборт… Он считает: ничего страшного.

Я отстранилась и ушла в ванную.

Завтра он отведет меня к врачу. Ему не нужны проблемы. Даже не знаю, что хуже – жесткая прямота или мягкость, которой он прогибает не хуже. Поддержать хочет или убедиться, что проблема будет решена? Умылась, смывая едкие слезы разочарования.

Значит, зернышко жизни во мне пробудет до завтра. А потом? Как он это видит? После аборта все пойдет, как было? Я живу, здесь, на его территории, в вечном ожидании звонков и встреч? У аборта есть побочное действие, о котором не предупреждают. Легкость из отношений после него уходит навсегда. И доверие к мужчине тоже.

Я спряталась в спальне, чувствуя себя разбитой. Села на кровать в темноте. Почему именно с ним? С Валерой ни разу не было осечек. Почему именно с ним, сейчас, когда я не готова? Что мне делать, мамочка...

Андрей остановился на пороге. Свет падал с кухни, лицо в тени. Зато меня он хорошо видел. Ему мои чувства не понравились.

– Ложись спать, – поцеловав в лоб, он ушел на кухню.

Я легла и укрылась приятно пахнущим одеялом. Мне так

нравилось наводить здесь уют. Сейчас он курит на кухне, я слышу, пьет – о чем думает? Он как-то испугал меня ночью – дернулся сквозь сон и проснулся, весь вспотевший, как от кошмара. Подавил крик. Я проснулась от его сдавленного, болезненного мычания. Он ушел на кухню курить, а я по глупости пошла за ним. У него глаза были сумасшедшие, он меня даже не узнал. Тогда сложилось впечатление, что я только одну его сторону знаю. А он как оборотень, у него две личины.

Чуть позже Андрей тихо лег ко мне.

Я лежала спиной, притворилась спящей, надеясь, что приставать не будет.

Ворочалась до утра. Вспоминала маму, мысленно просила совета, я знаю, как бы она поступила. Но какой бы выбор ни сделала я, она бы никогда меня не осудила – она действительно любила меня большой и светлой любовью, от которой даже сейчас я ощущала тепло и на глаза наворачивались слезы…

Я встала в семь. Андрей дернулся – он чутко спит, как волк, и я положила руку ему на плечо.

– Спи, сейчас вернусь, – прошептала я. – Мне нужно в аптеку.

– Я сам…

– Не надо. Ты не знаешь, что покупать. Мне нужны таблетки.

Тихо надела джинсы и мягкий кашемировый свитер, ко-

торый он мне подарил. Вернее, я купила на его деньги. Помедлив, забрала то, что Андрей положил вчера на стол, взяла телефон. Перевернула браслет, рассматривая бабочку с сияющими бриллиантами. Я полюбила этот браслет… Вздохнула и пошла за плащом.

На дне шкафа валялась полупустая спортивная сумка.

Я нахмурилась – раньше ее здесь не было. Присев на корточки, расстегнула молнию. Внутри смена одежды, перчатки, какой-то пакет… Из него выкатились патроны. Я взяла один: желтоватый, с вершинкой, окрашенной в черный цвет. В боковом кармашке паспорт с фото Андрея внутри. Худой, веки полуприкрыты и общее впечатление, что он глубоко болен. От паспорта пахло новым документом.

Александр Воронин.

Тридцать семь лет. Родился в Калуге. Регистрация в Санкт-Петербурге, отметок о браке или детях нет. Тридцать семь? Почему имя другое? Я вернула паспорт обратно, пальцы напоролись на что-то в кармашке. Кольцо. Абсолютно гладкое, похоже на обручальное. Я все сложила, и тихо застегнула сумку.

Кто он такой, черт возьми? Кто отец моего ребенка?

Набросив коричневый плащ, я вышла, ежась от раннего утра. Почему-то утром всегда зябко. Шла вдоль тротуара, мимо сияющих витрин, сунув руки в карманы. Свежий воздух остудил голову и обиды.

Так бывает, это жизнь.

Я остановилась напротив витрины с дорогими игрушками. Прекрасные фарфоровые куклы смотрели на меня нарисованными глазами.

У меня таких красивых кукол не было.

Мы небогато жили.

Но я бы никогда не упрекнула в этом маму. У меня было счастливое детство и столько светлых воспоминаний. Я прислонилась лбом к нагретой витрине и вздохнула. Куклы и запах сладкой выпечки из кондитерской рядом, напомнил другие запахи детства: гвоздичных духов мамы, лисьего воротника пальто, которое она носила. Я любила мамочку… Она воспитала меня одна.

Я так боялась повторить ее судьбу, но все-таки повторила: в девятнадцать лет забеременела без мужа. Как она. Один спортсмен приехал к нам на соревнования, вспыхнул бурный роман… Даже о беременности не сказала – не успела, он уже уехал.

Но она меня оставила и никогда об этом не жалела.

Глава 11

Звонок вырвал меня из воспоминаний.

Андрей.

Меня долго нет… Надеюсь, он не понял, что я рылась в сумке. Я глубоко вдохнула. Сырой воздух, хлынув в легкие, придал мне сил. Палец замер над экраном – я не решалась принять звонок или сбросить.

«Я сделаю аборт, не волнуйся, – написала я, не доверяя голосу. – Нам лучше не встречаться теперь. Не хочу больше, извини».

Ты от нас отказался.

Мама бы меня поняла. Она бы меня поддержала.

Я позвонила Вите, надеясь, что накануне она не слишком перегуляла, и возьмет трубку.

– Алло? – сонно спросила та.

– Это Лена. Слушай, если меня будут искать… Тот мужчина из клуба, – напомнила я. – Скажи ему, что я уехала домой, ладно? Что ты не знаешь, где я.

Вита запричитала в трубку: что случилось?.. Но я сбросила звонок и вытащила сим-карту. После смски он пойдет меня искать – это в его характере. Лучше выбросить. Такой мужчина может силой отвести назад – а затем к врачу.

Я прикусила губу, чтобы не заплакать прямо на улице, спряталась за темными очками, и бросив сим-карту в урну,

быстро пошла вдоль тротуара.

Я справлюсь.

Мама ведь справилась… Она смогла.

В самом крайнем случае уеду к тете, хотя она меня не ждет – там и без меня есть кому помогать. К Вите возвращаться нельзя – он может меня там искать, Андрей знал, где я живу. Сниму квартиру… Или лучше комнату – дешевле, а мне придется экономить. Пока смогу – буду работать и копить, а если не платить за учебу, то мне хватит на жизнь.

Нам хватит.

Уйду в академ, потеряю год или два, даже три – ну и что. Мама отказалась в свое время от большего. И хотя решение было сложным, а впереди пугающая неизвестность, я сразу почувствовала облегчение.

Главное, чтобы *он* меня не нашел.

А он не найдет.

Если никому не скажу свой новый адрес и номер телефона, не буду появляться в вузе – он просто не сможет найти. Отчество по его имени дам. И глаза его запомню – это могу обещать.

Я нашла дешевую комнату в старой квартире. Хозяйкой была пожилая бабушка. Я не предупредила о беременности, потому что жить нужно было где-то уже сейчас, а комната подходила по цене.

Через месяц жизнь более-менее вошла в колею. Мне пришлось купить ноутбук, чтобы работать. Деньги, доставшиеся

от Андрея, я отложила, и старалась собрать побольше, испуганная перспективой родить в одиночестве.

Работала. Вечерами сидела одна. Я думала, будет легче.

А меня крыло без него.

Мы не так долго встречались, но пришлось привыкать жить без него, и это было больно. Может быть, гормоны виноваты. Может, тотальное одиночество. В моей комнате было уютно, спокойно, я ощущала себя кошкой, устроившей логово в преддверии родов, но от тоски хотелось выть… Каждый день плохо до боли в горле и слез по ночам.

Мне хотелось, чтобы он был рядом, а не отправил на аборт.

Я сидела у окна с блокнотом, черкала карандашом. Валера меня хвалил раньше, говорил, я хороший график. Я так и не забрала у него вещи, хотя они мне позарез нужны. Еще немного и они на меня не налезут, когда начнет выпирать живот.

Пока я боялась там появляться.

Боялась появляться везде, где Андрей мог найти меня.

Из-под грифеля сами собой выходили четкие, рваные штрихи. Экспрессивные из-за эмоций, которые сводили меня с ума. Раньше я часто рисовала Валеру, но сегодня это не он. По памяти я рисую нашу первую ночь с Андреем. Рисую его тело в деталях: дорожку волос внизу живота, рельефные мышцы, которые меня восхитили, шрамы на груди. Одна рука заброшена за голову. Я выделяю бицепсы. Рисую темный,

полный первобытного зла, взгляд. Кривой рот. Кольцо на руке. Его приятно рисовать: я словно к нему прикасаюсь. Пока я рисую – он мой.

Только мой.

Говорят, опасный мужчина одновременно начинает манить.

Это правда.

Я рисую себя рядом с ним. Мою руку на его животе. Рисую, как лежу на плече. Как мы целуем друг друга. Заполняю страницу за страницей, пока не стирается карандаш.

Такое чувство, что той ночью меня коснулась темнота и что-то во мне изменила.

Зачем я спала с ним.

Теперь будет сниться. Буду вспоминать, жалеть, мечтать и мучиться, что было бы, если бы не ушла. Я его полюбила – за ту ночь. За голос, за глаза, за шрамы…

Полюбила дьявола.

Аборт можно сделать до двенадцати недель.

Так меня предупредили.

То ли по мне видно, что я одна – без семьи и с финансовыми проблемами, то ли так говорили всем юным девушкам без мужа. В двенадцать недель мне назначили первое, самое важное УЗИ.

– Морозова!

Я поднялась с кушетки и направилась за медсестрой в кабинет.

– Ложитесь, – ничего не слыша от волнения, я улеглась на кушетку, задрав блузку.

Сейчас я больше всего хотела, чтобы мама была со мной. Или отец ребенка. Но Андрей не похож на того, который за ручку будет водить свою женщину по «беременным» делам. Несмотря на то, что врач старалась быть дружелюбной, было видно, что таких, как я, у нее много и она торопится.

– Все хорошо-о, – протянула врач, вдавив холодный датчик мне в живот. – Вот он… Видите плод?

– Вижу, – у меня перехватило дыхание: смешная фасолинка на экране била ручками.

Я впервые увидела ребенка. Пока она перечисляла параметры, смотрела на экран. Кроха двигалась: резвилась, и играла у меня в животе, не подозревая, что ее ждет.

Что мама будет одна. Что ей будет сложно.

Чувствует себя в безопасности, абсолютно уверенная во мне.

– Развивается нормально. Ну что же вы не улыбаетесь? Все хорошо с вашим ребеночком, поздравляю!

Я несмело растянула губы в улыбке.

– Мальчик или девочка?

Мне хотелось, чтобы была девочка. Тогда было бы, как у нас – мама и дочка. Я бы ее в честь мамочки назвала.

– Это платная услуга, – невозмутимо сказала врач, я прикусила губу, когда она назвала цену. – Оплачивать будете?

– Н-нет.

– Идите сдавать кровь.

Я вышла из больницы и глубоко вдохнула утренний воздух. Начало лета. Локоть тянуло, настроение среднее. Я думала, быстрее привыкну к положению, но ощущение растерянности не проходило. Вместо праздника – серые будни. Интересно, как мама справлялась с тоской или она так меня хотела, что ей было все равно, что никогда больше не увидит отца ребенка?

У меня хоть что-то от него осталось.

Фото, подарки… Я перевернула браслет на запястье бабочкой вверх – моя новая привычка. Очень не хотелось продавать. Во-первых, я привязалась к нему, во-вторых, его Андрей подарил. В скупке за него предложили намного меньше, чем я рассчитывала. Продам в крайнем случае – после того, как родится ребенок.

Еще несколько снимков – не очень хороших. Я снимала на телефон селфи, когда он был в хорошем настроении. Фотографироваться Андрею не нравилось, но пару раз разрешил. На одном он целовал меня в щеку, а я в наигранном изумлении распахнула глаза в камеру. На втором мы лежим рядом, у него спокойное лицо и я уже не играю. Нам хорошо и уютно рядом. С этого фото я рисовала.

– Раз у нас все хорошо, – пробормотала я, направившись к кондитерской. – Можно себя побаловать…

Я купила пышную булочку с корицей. Чувствовала я себя хорошо, хотя боялась, что пролежу с токсикозом первый

триместр, как одна моя знакомая. Пока беременность на фигуре сильно не сказалась – изменения замечала только я, но скоро живот округлится. Каждое утро я осматривала себя в зеркало, но отчетливо он начал появляться на шестнадцатой неделе. Чтобы хозяйка не заметила, я перешла на широкие футболки, с сожалением вспоминая одежду, оставшуюся у Валеры. Несколько рубашек и блузок точно бы пригодились… Если он или его новая подруга не выбросили…

Я боялась о себе напоминать.

Интуитивно пыталась спрятаться: в первую очередь от Андрея. Но от пересудов, взглядов и вопросов старых друзей – тоже. Набравшись смелости, я позвонила Вите.

– О-о, Лена… – обалдела она, услышав мой голос. – А ты где была? Мне сказали, ты академ взяла по личным обстоятельствам и вроде домой уехала?

Я же и говорила, что поеду к тетке. Просила Андрею передать, если будет искать. Она все забыла, занятно, как быстро ты выпадаешь из жизни и памяти людей, стоит исчезнуть на пару месяцев.

– Что нового? – осторожно спросила я. – Меня никто не спрашивал?

– Спрашивал… Твой парень приходил, правда давно, еще весной, – вспомнила она. – Я сказала, что ты отчислилась и уехала.

– И все?

Мне стало больно.

Может, я зря боялась и его уже в городе нет. Уехал в свой Питер, пока я о нем думаю и ночами спать не могу. В конце концов, это был случайный короткий роман. Необычный, горячий, страстный, но… Только для меня. Женщины такие чувства запоминают, для мужчин это просто секс.

– А насчет Валеры?..

– Так вы же расстались… – удивленно напомнила она.

Сейчас мои горести по поводу измены, наш поход в клуб и все остальное казались легкомысленной глупостью. Я положила ладонь на живот и искоса взглянула в старое хозяйкино зеркало. Хороших же я нашла приключений… Теперь попрощалась с учебой и жду, когда впервые толкнется мой малыш.

– Ты не могла бы мне помочь? – попросила я. – Хочу забрать у него вещи… Боюсь идти одна, ты не сходишь со мной?

– Ну-у… Хорошо, – немного удивилась она. – Давай у него встретимся, вечером, часикам к семи.

– Лучше днем.

Заваливаться, когда у него вечеринка в разгаре?

– Хорошо.

Я положила трубку и встала боком к зеркалу. Не хочу, чтобы бывший и его подружка пялились на мой живот, пока буду собирать вещи. Я худенькая. Даже на шестнадцатой неделе не спишешь на лишний вес. Ничего, надену широкую футболку – никто не заметит. Я побросала в сумку телефон,

бутылочку воды, чтобы не стало плохо от июльской жары. Помедлив, сунула блокнот с рисунками на случай, если придется ждать.

Из головы не выходили слова Виты об Андрее.

Значит, искал меня. Еще весной – давно.

Наверное, уже забыл.

Андрей точно уехал, но мне же лучше. Так я скорее забуду его.

Игнорируя тоску и чувство боли, я набросила ремень сумки поперек груди, и направилась к метро.

Глава 12

– Лена-а, – Вита полезла обниматься, когда мы встретились во дворе. – Ты так изменилась!

Я едва увернулась, держась на расстоянии.

Она с жадностью меня оглядела, и я подавила желание втянуть живот под широкой футболкой. Вита изменилась куда сильнее: волосы приобрели розоватый оттенок, на ней были белые шорты и золотистый топ, который почти не оставлял простора для воображения. Рядом с ней я смотрелась бледно в простых джинсах.

– Где пропадала?

Живот она не заметила.

– Нашла жилье, работу… Сейчас большой проект, не до учебы, – неопределенно начала я, мучаясь, как бы замять разговор. – А ты как, что у тебя после тех весенних проблем? Нашла деньги, которые с вас требовали?

– За меня Макс договорился, – честный взгляд Виты забегал. – А парней так и доят. Ну что, пойдем?

Мы направились к подъезду.

У меня слегка ныл живот, из-за жары футболка стала липкой на спине. Раньше я бы непременно нервничала из-за предстоящей встречи с бывшим, но беременность отучила волноваться по пустякам. Лишь бы вещи отдал…

Когда Валера распахнул дверь, на нас дохнуло смехом, ве-

сельем и музыкой. Ничего нового, у него каждый день праздник.

– Привет, Вита, – сказал он, перевел взгляд на меня и удивленно хмыкнул. – Ты что тут забыла?

– Вещи, – с каменным лицом сказала я.

– Какие еще вещи?

– Те, которые у тебя оставила.

– Ты что-то путаешь, – он пожал плечами. – Не в курсе…

– Да хватит, Валер, – встряла Вита, – они на балконе валяются.

К нему подошла незнакомая блондинка и обняла, прильнув всем телом, как гибкая тигрица. Новая подружка и натурщица. Взглянула высокомерно и безразлично, и спросила Валеру так, словно меня здесь нет:

– Твоя бывшая?

– Одна из, – он посторонился с порога. – Ладно, валяй. Иди сама ищи, нам не до тебя. Там не все вещи в порядке, ну извини, я думал, они тебе не нужны. Как будешь уходить, свистни.

Проклиная все на свете, я вошла в квартиру и огляделась. Почти нокаут. Я здесь была хозяйкой когда-то. Счастливая ходила по просторным комнатам в рубашке Валеры и считала, что у нас все хорошо.

Отношения – одна из самых хрупких штук в мире.

Больше всего надежд и меньше всего гарантий: одна слепая вера в любовь.

Сейчас Валера даже не смотрит на меня, мы четыре месяца не вместе – это много. Он ушел в зал к компании друзей. Смех, шутки, разговоры об искусстве… Наверное, только сейчас я почувствовала, что все изменилось. Я больше не часть их компании. Я жду ребенка.

Хорошо, не заметили, хотя новая подружка осмотрела мою футболку критикующим взглядом.

– По коридору до конца и налево, – бросила она, будто я не знаю, и ушла за Валерой.

Вита смотрела им вслед, как брошенная собачонка.

Ей хочется к ним на вечеринку.

– Иди давай, сама справлюсь, – вздохнула я.

В дальней комнате ничего не изменилось: загрунтованные холсты, прислоненные к стене, старая кровать помята, залита вином и простыни выглядят несвежими. У Валеры другая спальня. Это кто-то во время ночной попойки уединился… Запах тяжелый, словно прошлой ночью здесь курили.

Это напоминало об Андрее.

Я распахнула окно, впуская летний воздух и шум с улицы, и вышла на балкон. Мои вещи валялись, где попало: в ящиках, на полу, в пакетах… Многое исчезло. Из любимой клетчатой рубашки, на которую я рассчитывала, сделали тряпку.

– Гаденыш, – пробормотала я, неловко опустилась на колени и начала запихивать уцелевшие вещи в подобранный пакет.

Даже претензии не предъявишь – слишком долго не заби-

рала. Он вообще мог все выбросить.

Прежде чем уйти, я присела на кровать передохнуть. Беременность сделала меня слабее. Я начала быстрее выдыхаться, больше спать и вообще беречь себя. Что же будет, когда подрастет живот и я стану неповоротливой? Но ведь мама справлялась… Жаль, ее нет рядом, чтобы рассказать, как… Я попила воды и достала блокнот, полистать страницы с рисунками.

Сюда долетал гомон и смех из зала.

Я поймала себя на мысли, что не жалею, что я здесь, а моя старая компания там. У нас разная жизнь и разные интересы.

На последнем рисунке я задержалась и включила телефон, чтобы сравнить с фото.

Какие красивые у него были глаза…

Я так старалась передать их выражение и надо же – удалось.

Меня насторожил выкрик из коридора.

Я подняла голову, прислушиваясь: смех из зала стих, идет тревожный разговор у дверей. Кто-то еще пришел? Мне пора. Сунув блокнот под мышку, я взяла пакет и вышла из комнаты, на ходу роясь в сумке в поисках карточки – поэтому не сразу заметила, что происходит и кто пришел.

– Куда собралась?

Я подняла глаза.

У дверей толпились мужчины в черном. Я остановилась, настороженно наблюдая за ними. Трое незнакомых и один из

клуба. У меня руки задрожали – я узнала его. Не Макс, и не хозяин, но из тех, кто держал нас с Витой в комнате без окон.

Один из них направился ко мне.

– В комнату пошла!

Я попятилась.

– Не трогайте меня, – у меня задрожал голос.

Нас разгоняли по комнатам, чтобы разобраться с Валерой и остальными парнями. Вита говорила, что их «доят». Он гнал меня обратно в комнату с балконом.

– Я вызову…

Я не закончила угрозу – он втолкнул меня в комнату.

– Телефон сюда давай! – зарычал он, силой вырвал трубку и врезал мне тыльной стороной ладони.

Просто отмахнулся, но показалось, что в меня врезался поезд.

Перед глазами потемнело, и я повалилась на кровать со сдавленным мычанием. Футболка обтянула живот, и бандит уставился на него.

– Ты че, беременная? – он резко шмыгнул носом.

Я испуганно подняла голову. В глубине скулы горела боль. Прикрыла место ладонью и ощутила влагу: он рассадил мне кожу кольцом. Голова плыла, я испуганно дышала, прислушиваясь к ощущениям в животе – даже шевельнуться боялась. Живот тянуло от страха.

Вдруг снова ударит…

– Не трогайте меня, – расхныкалась я и накрыла живот

ладонью, словно это спасет. – Пожалуйста, я в положении…

– Это что за хрень? – он огляделся.

Когда я упала, вещи вывалились из рук. Вокруг валялись страницы из моего блокнота. Он подобрал несколько, грубо бросил и посмотрел на экран телефона.

– Это что за хрень? Кто это рисовал?

Я с трудом разлепила губы.

– Я, – язык еле слушался.

– Пацаны, зайдите, – крикнул он в коридор. – Шеф!

Живот ныл – я лежала в неудобном положении. Поерзала и робко села, поглаживая живот, чтобы скорее успокоился и расслабился. В лице пульсировала тупая боль, моральное состояние на нуле…

К нам вошел главарь. Я неосознанно втянула голову в плечи, меня пробрала дрожь.

Он заметил, что я обнимаю живот, затем уставился на кровавую ссадину на лице.

– Ты ее ударил? – ему это не нравилось.

– Смотрите. Говорит, она рисовала. И вот еще… – он встревоженно показал фото, где мы с Андреем вместе, затем рисунок.

Тот поворачивает телефон экраном ко мне.

– Это кто?

Снимок тот самый: Андрей лежит на спине, забросив руку за голову, и смотрит с бесконечной жестокостью во взгляде. Без ненависти или презрения. Равнодушная жестокость и

пустота. Я поразилась, как точно поймала и сумела передать выражение глаз. Но он ведь не моим талантом поражен?

– Это мой парень, – неуверенно пробормотала я. – Андрей.

– Ты встречаешься с Андреем Ремисовым? – спросил он, изумленно подавившись воздухом, и снова уставился на живот.

Я не знаю, какая у него фамилия.

Они обмениваются паническими взглядами: что делать? – кричат их глаза. Особенно перепуган тот, кто мне врезал. Аккуратно закрыв блокнот, главарь положил его на комод.

– Простите за беспокойство, – тон поменялся, со мной говорит не бандит, а вежливый клерк. – Мы не знали, что вы девушка Ремисова. Нас ввели в заблуждение. Так все, выходим.

Из кармана он достал пачку долларов, отсчитал половину, затем понял, что делает что-то не то, и положил всю стопку поверх блокнота.

– Простите нас еще раз. Это компенсация. Прошу прощения.

Я закрыла лицо руками. В ушах нарастал звон, а скула ныла так, что жить не хотелось.

– Ты специально навел нас на женщину Ремисова? – услышала я из коридора, опустила руки и устало прислушалась.

Это вопрос к тому, кто привел их сюда – к тому охраннику из клуба.

Мне все равно.

Даже если его там убьют, для меня самое главное, чтобы живот, наконец, расслабился, и я перестала волноваться. Я глубоко вдохнула и выдохнула, подтащила к себе сумку и достала бутылку.

Андрей меня так успокаивал – поил водой, когда у меня была истерика.

Это помогает.

Андрей Ремисов… Так его зовут.

Пока парней били в коридоре за подставу, и сильно – кулаками в живот, я взяла телефон. «Андрей Ремисов» напечатала в строке поисковика. Тут же выскочили несколько разных фото. Это он… Я сравнила снимки. На одном в военной форме. Молодой, без шрамов. Улыбка на чувственных губах, веселый взгляд. Второй снимок сделан в современное время. Этот снимок поразил меня. Я смотрю, и смотрю на него, пока парней бьют за дверью…

Этот первый, армейский, и последний, как небо и земля.

Понемногу я успокаиваюсь: прохладная вода делает свое дело, если пить мелкими глотками, дышать старалась ровно, хотя это трудно. Я впервые вижу его не на своих фото.

Он другой: и дело не в возрасте. Просто другой человек. Я заметила мельчайшие изменения. На более позднем снимке он не улыбался. Лицо асимметричное, линия рта прямая, ничего не выражающая. И глаза уже такие, какими я их запомнила. Нечеловеческие. Насквозь проболевшие жизнью.

Черные, нездешние. На лице шрамы. В шоке я еще раз сравнила снимки, пытаясь понять, что произошло в период между ними. На первом – ему лет двадцать. Второй снимок выглядел поздним: сделали два-три года назад.

И что же с тобой случилось? Кто ты?

Промокнув щеку влажной салфеткой, я начала читать текст.

Глава 13

– Этого не может быть, – прошептала я.

О нем много написано. Очень много. Взгляд сам бежал по строчкам, я хотела остановиться – не могла.

У меня горели губы: то ли тот ублюдок задел, когда вмазал, то ли от воспоминаний. Та ночь, запах сигарет, мяты и кожаного салона. Его зубы, жжение от щетины – своими алчными поцелуями, которыми терзал, пытаясь утолить сексуальную жажду, он растер кожу вокруг рта.

Андрей – наемный убийца. Был в международном розыске. Бандит, лидер ОПГ, наемник, убийца и психопат. Это не может быть он! Но я смотрю на фото и улавливаю то, что уже видела в нем. Был осужден на пожизненный срок, сбежал из тюрьмы после трех лет отбывания. Вспоминаю его голод и верю в это. Он был очень голоден.

«Ты давно один?»

Шрамы, которые он не дал трогать. Его пытали. Они остались после пыток.

Лжец.

Я рассматривала снимок, гладя пальцами, словно слепая.

Да бред это… Не может быть… Не мог такой человек – какой здесь описан, после многочисленных заказных убийств, пыток и тюрьмы, сделать то, что он для меня сделал. Он же добрый. Закрытый, с какой-то первобытной жестокостью в

душе, но ведь добрый или нет?

Такой человек не стал бы отпаивать меня водой, защищать…

Называть своей девочкой.

Пусть это будет ошибкой.

Умоляю, пусть кем угодно будет, только не тем, о ком написано.

– Господи, только не это…

Я взяла зажигалку со стеллажа и поковыляла с блокнотом в ванную. Когда я вышла, бандиты и компания Валеры в коридоре притихли, провожая взглядами. Брела, поддерживая живот, и ныла сквозь зубы, но стало так плохо, что уже плевать – пусть смотрят.

Перед глазами все расплывалось от слез. Живот тянуло так, что я едва дышала. На этом фоне я даже перестала ощущать боль в скуле.

Я заперлась в ванной.

Облокотилась на раковину, давая отдых животу, и зажмурилась.

Киллер.

Не верю. Это ошибка.

Он сказал: служит, мотается в командировки. Сказал, что снайпер. Фактически не врал – служил когда-то. Я прочла краткую биографию. Воевал, затем пропал с радаров, а когда про него услышали вновь – уже был в составе преступной группировки. Я не поняла, что его к этому подтолкнуло. Че-

рез несколько лет занялся заказными убийствами. Почему – тоже неизвестно. Человек-призрак. Ни семьи, ни дома, одни белые пятна в истории. Но хотя бы настоящее имя знаю.

Щеки обожгло от горячих слез.

Обида, боль, разочарование, страх. Каждое из этих чувств можно вынести, но не все вместе. Я старалась не плакать, чтобы хуже не стало, но если бы не заплакала – слезы разрезали бы меня изнутри.

– Мама, что делать, – шептала я сквозь горячий плач, – что теперь делать…

На меня накатывали волны запоздалого страха.

Картины прочитанных историй стояли перед глазами, как живые. Он не брезговал пытками, жестоко расправлялся с врагами. Там написано, что у него был фирменный почерк. Фирменный почерк в пытках… как это понимать? Сердце сжималось от ужаса и жуткого предчувствия. Ему тридцать семь, я подсчитала: у него за плечами пятнадцать лет тяжелой криминальной карьеры.

Он с первого взгляда показался мне не таким – опасным и непонятным. Я сразу увидела, что он отличается от других. Так боялась с ним уходить... Но Андрей помог мне, это притупило страх, а дьявольское притяжение этого человека сделало остальное.

Я смяла выпавшие страницы и бросила в раковину. Вырвала оставшиеся и добавила к ним. Чиркнула зажигалкой. Наблюдала, как горит и сморщивается, чернея, бумага, пока

ее полностью не сожрал огонь. Запах паленого на фоне нейтральных ароматов ванной был отвратительным. Я прижала запястье ко рту, задыхаясь. Меня мутило.

Когда прогорело, я включила холодную воду. Струя размазала пепел и сажу по белоснежному фаянсу. Нельзя, чтобы узнали, в чьей я бывала постели… Я не знала, кто мой покровитель. Даже не представляла, от кого забеременела и от кого решила сохранить ребенка.

А если он узнает, что я не сделала аборт?

В дверь постучали.

– Лен, Лена… – раздался дрожащий голос Виты. – С тобой все нормально? Можно войти?

Подослали подругу. Боятся, что мне плохо, а обвиню их. Испугали, ударили… Случится выкидыш и с них головы снимут – так они считают.

– Нет, я ухожу.

Я взглянула в зеркало: глаза заплаканные и тоскливые, на щеке щиплет глубокая царапина.

Понимаю, чего они испугались.

Я и есть та бандитская сучка, за которую ломали пальцы хозяину клуба.

События той ночи вспыхнули в памяти: этими пальцами он собирался в меня лезть. Андрей меня увел, мы переспали – утром он вернулся в клуб и уладил мои проблемы.

Если встать в тень зверя, тебя не осмелятся тронуть.

Вспомнила его смех, когда сказала о беременности. «Ты

не знаешь, кто я» – так он ответил. Теперь ясно почему: слишком наивными были мои фантазии. Он с самого начала знал: у нас ничего не получится.

Я глубоко вдохнула.

С помощью дыхания пыталась справиться с разрушающими чувствами. Безжалостно удалила фотографии из телефона. Надо уходить. Только придумаю, как, чтобы эти, из коридора, не увязались следом и не навели Андрея на мой дом.

– Впусти меня! – снова зашипела Вита.

– Можешь вызвать такси? – я умылась и взглянула в зеркало. Бледная, с перепуганными глазами, зрачки глубокие. – Мне нужно к врачу.

– Что случилось? Да открой!

– Все нормально. Тошнит. Вызови такси, хорошо?

Я почти не врала, меня еще мутило от запаха гари. Не хочу объясняться с подругой, но придется... Может, и не расскажут ему ни о чем. Они слишком испуганы. Кто в своем уме придет к наемному убийце и скажет: мы тут наехали на твою беременную подругу и дали ей по лицу. В клубе меня не били. Унижали, раздели, но не били. И я тогда не была беременна – Андрей меня вообще не знал, но все же искалечил того типа после того, как переспал со мной.

Я вышла, когда Вита постучала снова.

– Ты как? – глаза были похожи на блюдца. – Лена, у тебя токсикоз, какой срок, ты что сразу не сказала?..

Не ответив, я проковыляла в комнату. Забрала доллары,

которые мне оставили в качестве компенсации. Пригодятся. Что будет дальше неизвестно – но отложу. Вита подобрала разбросанные вещи, запихала в пакет.

– Ну все, пойдем! – она торопилась.

Бандиты следили за нами, как стервятники, когда мы вышли в коридор.

– Девчонки, вас подвезти?

Я покачала головой.

– Не надо, сама провожу, – сообразив, что нас не тронут, Вита стала деловой и бесстрашной. – Справимся.

Под завистливые взгляды остальных, мы выскользнули за дверь.

– Скорее, – я спускалась так быстро, как могла. И боялась, что бандиты увяжутся за нами, пока не очутилась в безопасном такси.

Вита села рядом, но я выставила ладонь, выгоняя ее из машины.

– Извини, – твердо сказала я. – Тебе со мной нельзя.

– Лена, что происходит? Ты не говорила, что беременна, прячешься, пропадаешь… Кто отец? Тот мужчина из клуба?

В глазах появилась мольба – скажи мне.

– Никому об этом не говори! – шикнула я. – Никому, Вита!

– Я его видела!

– Что? Где?

– В клубе, позавчера, мельком. Макс говорил, он там бы-

вает.

Значит, не уехал – он здесь.

– Не ходи туда больше, – разозлилась я. – Это плохое место, поняла? Мне придется поменять номер, не пугайся, если будешь звонить, а старый не ответит. Где я, ты не знаешь. И пожалуйста, не трепитесь, что я жду ребенка, ладно? Пообещай!

– Обещаю, – пробормотала она.

Я вздохнула, не веря словам, и сказала таксисту адрес больницы.

– Пока, Вита.

Она захлопнула дверцу.

Я откинулась в мягком кресле, убито глядя в окно. Сердце колотилось, словно я пробежала спринт. Наверное, лучше уехать. Спрятаться. Не подвело шестое чувство, советуя скрываться от Андрея после того, как обманула с абортом… У больницы я, соблюдая меры предосторожности, пересела в другую машину. Боялась, что проследят. Но дома немного успокоилась.

Хозяйки к счастью не было, сделав чай, я легла, чтобы живот унялся. Эмоциональное потрясение понемногу проходило. Я вспоминала детали, связанные с Андреем, и каждая причиняла боль. Паспорт на другое имя. Россыпь странных патронов. Кольцо – откуда кольцо? Он не женат, никаких упоминаний об этом не видела… Да и какая жена… Наверное, у него были только такие дурочки, как я. Он не лю-

бит шлюх, я поняла это по репликам, которыми перебрасывался с другом.

Искал девочку на ночь, подвернулась я…

Я застонала, вспомнив, как сидела у него на коленях в счастливом неведенье, пока Андрей играл в карты с такими же, как он. Ну как я не видела, кто они… Почему сразу не поняла? Почему закрывала глаза? Я погладила царапину, глядя в зеркало. Поморщилась – больно. Взгляд был таким же – больным и измотанным. Каждая мысль об Андрее впивалась в меня иглой.

Это можно только пережить: как горе или похмелье.

Переболеть.

Им, реальностью и своими дьявольскими чувствами.

Я накрыла живот ладонью, прислушиваясь к ребенку. Ждала шевелений – я всегда их ждала, когда клала на живот руку, но было тихо.

Он здесь, не уехал, как я надеялась… Но если повезет, Андрей обо мне не вспомнит. Какое ему дело до случайной девчонки. Он сделал меня любовницей, теперь я поняла, почему роман был тайным, откуда дорогие подарки, и зачем снял отдельную квартиру, но не стал жить вместе. Поняла о нем все.

А патроны, которые я нашла в сумке? Не разбираюсь в боеприпасах, но таких я не видела. Мне не хотелось верить, что у Андрея было дело, и он нашел меня, чтобы просто расслабляться в перерывах.

Подумав, я ввела в поисковик: «патроны с черным наконечником».

Он оставил мне драгоценный подарок – подарок на всю жизнь, и я хотела докопаться до правды: что на самом деле значил наш короткий роман.

Глава 14

Я думала, ничего не найду, но ошиблась.

Черный цвет – маркировка бронебойных патронов. Спина покрылась мурашками, словно ко мне прикоснулось что-то холодное и жуткое.

Зачем они?

Открыв криминальную хронику, я интуитивно вернулась к событиям весны.

Отлично помню день, когда нашла патроны в сумке Андрея. Я решила оставить малыша и уйти от него. Но в ту дату ничего подозрительного не было. Тогда я посмотрела все, плюс-минус месяц. Мелкий криминал отмела сразу. Внимание привлек случай: в пригороде сгорела машина, двое убитых в кабине, криминальный след.

Я сопоставила дни: почти начало нашего романа. Он уже снял мне квартиру и пришел на ночь – это был второй или третий день. Уставший. Много курил, выпил и рано лег спать. А секс в ту ночь был один раз, хотя он любит чаще. Расслабился и сразу уснул.

Я листала дальше. В мае еще один случай. Такой же. Повинуясь чувству, снова нашла его фотографии и внимательно рассмотрела каждую. В прошлый раз у меня от волнения все перед глазами качалось. В этот раз я была внимательнее. Меня интересовали его армейские снимки.

На последнем фото он изображен с сослуживцами.

Рассмотрев с профессиональным пристрастием парня слева, я опознала в нем Шелехова. Форма носа и подбородок чуть другие, возраст уже не тот, но это определенно он… Как будто сделал пластику, время так людей не меняет. Но глаза и основу не исправить – это он.

Второго я не узнала.

Подумала сначала, что это парень, что играл с нами в карты, но тот моложе был и внешность не та. Мужчина на снимке был черноволосым, с красивым лицом и уверенным взглядом. Породистый, волевой. Такие люди со временем становятся крупными бизнесменами, или… В их случае путь был другим, но в момент снимка они еще об этом не знали.

Я прикусила губу, снедаемая тревогой и нехорошим предчувствием. Ненавижу это ощущение будущих бед: призрачное, неизбежное. Так же я себя чувствовала в утро, когда мама погибла под колесами. Не знала, что случилось, но раздался звонок и я вздрогнула, с упавшим сердцем поняла – плохие новости. Я просто знала это, ни капли не сомневалась, что будет больно, когда сняла трубку…

Сейчас так же.

Чем больше я копалась, тем больше понимала, что угодила в яму с тварями. Даже хуже: одну из них полюбила.

Я была права: все серьезно.

У них крупное дело.

А я теперь опасный свидетель. Я знаю, кто это делает и где

их найти. Андрею ничего не стоило помочь мне в клубе – его боятся, и браслет, что он подарил, для него просто мелочь. Недорогая побрякушка. Если вообще покупал – принес подарок без футляра, просто из кармана достал и срезал ножом бирку. Подвернулась ему девушка под руку, он решил скрасить время. Беременность, которую я спасла, только спутала ему карты.

Спутала бы. Если бы знал.

– Ты развлекался, да? – прошептала я. – Просто развлекался…

Я просмотрела номера статей, за которые был осужден. Горло сдавило, словно кто-то вонзил туда острый шип. Больно. На уровне тела, не только чувств.

Прочла обстоятельства ареста.

Увидела фото, где он стоит на мосту, слегка расставив руки в стороны, словно в раздумьях – поднять или нет. Женщину с младенцем на руках, она рядом, около заблокированной машины, смотрит на него.

Нехорошее предчувствие усилилось.

Кто она?

На следующем снимке она старше и в другой обстановке. Дина Кац. Темноволосая женщина с драматической внешностью. Улыбается, но у нее глубокая тоска в глазах. Из-за этого хочется на нее смотреть. Из тех людей, что увидишь и потом не забудешь. В ней тоже есть крупица неясной темноты, которую я разглядела в Андрее. Красивая, но странная. Не

от мира сего…

В глубине квартиры хлопнула дверь – вернулась хозяйка.

Я спрятала телефон, мысленно все еще пребывая в прочитанном, пыталась это переварить. Хорошо, что он не знает, где я… Даже если донесут, Андрей не сможет меня найти. Только вот к тете, адрес которой он легко узнает, мне возвращаться нельзя. Учебу тоже придется бросить. Забыть о старых друзьях и местах, где я появлялась. Придется поменять врача и переехать… У меня сердце холодело при мысли, что он или его друзья смогут меня найти.

Я поежилась, вспомнив взгляд Шелехова.

Он так холодно смотрел… К взгляду Андрея я привыкла, но он…

– Лена, – позвала хозяйка. – Ты дома? Вещи раскиданы…

Когда попала в квартиру, кажется, бросила все в коридоре, под таким была впечатлением.

– Сейчас уберу, – пробормотала я, поднимаясь с постели.

Поморщилась: пока лежала, тянущая боль почти не ощущалась, но сейчас усилилась. Нехорошая какая-то боль.

– Галина Петровна… – от боли даже дыхание перехватило. – Я не могу… Мне плохо.

Я согнулась, придерживая поясницу и прикрыла глаза, как больная птица. Хозяйка остолбенела на пороге.

– Вот так новость… Леночка, ты беременна?

Я могла только дышать. Из-за позы видно, что я в положении даже под просторной футболкой. Слишком красноречи-

во дышу и держусь за спину. Сейчас начнется… Погонит с квартиры: кому нужны эти проблемы, детские крики по ночам. Ладно, и так придется съезжать.

Я кивнула.

– Тебе плохо? Ляг!

– Живот болит, – простонала я, пытаясь устроиться на кровати.

– Давно? Хватает сильно?

– Несколько часов. Да.

– А с лицом что?

Я забыла про ссадину.

– На меня напали, – я начала придумывать на ходу. – В подъезде, испугали сильно.

– Тебе врача нужно, Лен, – неожиданно серьезно заключила она. – Скинуть ребеночка можешь. Пойду скорую тебе вызову.

Я хотела заспорить, но не стала. Легла на бок и уткнулась лицом в подушку. Она пахла лимонной свежестью – запах лимона напомнил об Андрее. Страдальчески сжала губы и заплакала: от страха, боли, неясных перспектив…

Я не хочу быть одна.

Только сейчас поняла, насколько сильной женщиной была моя мама. Я не такая. До безумия рада, что сняла комнату и хотя бы хозяйка обо мне похлопочет, но мне бы хотелось, чтобы это был кто-нибудь близкий: мама, или тот, кто сделал мне ребенка, если бы он был другим…

Маленькое желание, которое никогда не сбудется.

– На вот, выпей, – хозяйка принесла мне стакан воды. – Скоро будут.

Я в одиночестве давилась водой и слезами, пока они не приехали.

– Что со мной происходит? – взволнованно спросила я, когда в комнату вошла молодая врач.

– Не знаю, – ответила она. – Сейчас выясним. Поедем в стационар?

Стационар. Отрезвляющее слово.

Наверное, я не справлюсь…

Голубоглазая доктор холодно смотрела, как я, тихо плача, беру сумку с документами. Уже через полчаса я ждала очереди на УЗИ. Было зябко – или так казалось, я сжалась на кушетке и смотрела в пол, считая минуты. Почему-то в такие моменты ни о чем не думаешь. Что со мной, врачи еще не выяснили, но вели себя так, словно это рутина… А у меня вместо сердца был лед от страха. Я вцепилась пальцами в тонкие плечи и завтра, скорее всего, увижу на них синяки. Когда вытянулась на холодной кушетке перед врачом, то ждала приговора.

– Стрессы были? – с серьезным лицом спросила она. – У вас сильный тонус. Придется остаться, пусть муж привезет вещи.

– Я не замужем.

– Родным скажите. Как минимум несколько дней.

У меня никого нет, но я промолчала… Нет семьи, и подругам, как она посоветует, тоже не смогу позвонить. Я одна на этом чертовом свете. И никогда я так остро этого не чувствовала, как сейчас. Представила, как поднимусь в палату к девчонкам, у которых семьи, мужья, хотя бы парни... Кто-то, кому они и их будущий малыш небезразличны.

– Полис у вас с собой?

– Да, – выдохнула я.

Несколько дней, сказала она. Я, конечно, останусь. Только с работой придется попрощаться, а значит, не на что будет жить и придется залезть в запасы.

Хорошо, документы догадалась взять.

Глава 15

Андрей

Шелехов смотрел пристально, с недоверием. Так на чужих смотрят немецкие овчарки. Пока молча.

– Брак. Твой поставщик халтурит, – Андрей бросил ствольную коробку обратно в кейс с мягким дном. – Край неуважения.

– Поставщик надежный.

– Я тебе говорю, брак. Ты мне не веришь?

Он выдержал тяжелый взгляд Шелехова с доброжелательно нейтральным лицом, с которым сроднился за годы. Если не излучать ничего, кроме вежливого дружелюбия – люди тебе верят.

Надо надавить.

– Ты хочешь, чтобы я попал или нет?

Шелехов первым отвел глаза – убирал оружие в кейс. Захлопнул крышку. Проделывал все с напряженными желваками.

– Ты опять переносишь дату. Нам это не нравится. Ты крупно должен, Андрей. За свое освобождение и за Каца. У нас договор.

– С меня работа, с тебя обеспечение. Достань нормальный ствол. Я не затягиваю, как ты подозреваешь, но рисковать не буду. Я долгов не забываю, Сергей.

Сраные долги.

Они правы: придется платить. За то, чтобы до конца жизни не гнить за полярным кругом. Хотя в первые годы стен не было видно за тяжелыми мыслями, какая разница.

Но это не его дело.

– Я поговорю с поставщиком, – наконец согласился Шелехов.

Расслабился, отлично. Вместо кейса на столе появилась бутылка водки, карты. Водка – хорошо. Хотелось выпить – дать отдых нервам. Горький глоток спокойствия. Но расслабляться нельзя, не с ними, сожрут. Верить нельзя никому. Это в подкорке, на уровне тела и примитивных инстинктов, и неважно, кто перед тобой.

– Раздавай, – обстановка стала непринужденной.

Шелехов, усмехнувшись, разлил водку по стаканам, раскидал на троих карты. Третий – где-то в кухне, со своей бабой говорит. Идиот. При чужих нельзя о женщинах, и о своих слабых местах. Никто не должен знать, в чем ты слаб. Как с ней получилось. Все можно перетерпеть, кроме нее. За нее платить пришлось, чтобы не мстили. На всю жизнь удавка. Но там дети, она…

Он пропустил ход: не хочется играть.

Настроение не то.

Но уходить рано. За окном ночь и стройки нового микрорайона, недалеко квартира, можно там остаться, выспаться.

– Давай еще раз, и пойду, – получилось вяло, словно свой

язык жует, как это бесит.

Нужен дым, и ее не вспоминать, чтобы успокоиться и себя контролировать. Шелехов специально вспомнил про Каца. Только сунул сигарету в рот, с кухни вернулся Паша.

– Андрей, слышал, что про Лену говорят?

– Что за Лена?

– Девчонка твоя.

Как оплеуха, из глаз чуть искры не посыпались из-за картинок связанных ассоциаций. Плачущая на коленях блондинка, широкие бедра под белым платьем, приятная улыбка. Из-за нее пришлось сломать каждую фалангу в пальцах Михи.

Лена.

Он опустил глаза и прикурил.

– И что?

– Пацаны говорят, ее люди Ковалева избили, когда наехали на должников. Узнали, что твоя, да еще беременная, теперь в бегах…

– Что? – он прищурился. – Ты что несешь?

Тасуя карты, Шелехов пристально наблюдал за ними.

– Я ее пару раз трахнул, – продолжил Андрей, отмахнулся. – Иди ты, короче. Когда это было? Я при чем?

– А ты не ей золото из доли брал? – спросил Шелехов.

– Я помню? Раздавай уже. Я не помню, что вчера было, давно бы свихнулся, ты спрашиваешь про полгода назад.

Беременная.

Могла и соврать, чтобы защититься.

– А кто этот Ковалев? Где найти?

– Андрей, у тебя дело, – напомнил Шелехов.

– Делу не помешает. Надо с ним пообщаться. Знал, чья была любовница – и ее избил? Ты шутишь, что ли, что за дела? Я хочу разобраться.

– Ну, как знаешь. Вообще нагло, да.

– А я о чем.

Тон безразличный: эго задели, а девушка – хрен с ней.

Удостоверившись в безразличии партнера, Шелехов неторопливо раздал карты. Пить теперь не стоит, но уходить рано нельзя – подозрительно. Придется сыграть пару партий.

Игра не шла.

Мысли к ней возвращались. Как двигалась на нем, постанывая и запрокинув голову. Нежная, но горячая. То, что нужно было. Такая невинная за счет юности, незнакомая с горем. Это оно стирает с людей беззаботность.

Как с ней случилось, с ласточкой.

– Ладно, я все, – Андрей бросил карты и встал. – Надоело. Разберешься с поставщиком, звони.

С кухни забрал сумку, сбежал вниз. Район новый, почти нежилой – кругом стройки, башни кранов, людей нет. Пахнет пылью, напоминает про степь, ущелья, и полная луна над огрызком недостроенного дома похожа: прям как тогда.

Он привычно оборвал мысль, и набрал номер.

– Привет. Пробей мне: Елена Морозова, девятнадцать лет.

Не факт, но, возможно, беременная. Должна где-то стоять на учете, выясни, куда обращалась.

– Срочно?

– Прямо сейчас.

Он потушил сигарету об стену.

– А тебе зачем беременная баба, если не секрет?

– По делу, – он выдул остаток горького дыма из легких и поморщился. – Перезвонишь или напиши лучше. Не могу говорить.

Язык плохо слушался, говорить трудно. Когда один – свои плюсы, можно молчать, давая глотке отдых.

Он направился к машине.

Сумку под сиденье, сам за руль и прежде, чем завести, долго разминал правую кисть. После перелома кости ныли на погоду или стресс. Вспомнилось, как она здесь ерзала верхом, скрипя коленкой по кожаной обивке, как мучительно сладко ныли мышцы пресса наутро. Как от нее пахло…

Жалко было, что ушла.

Но к лучшему.

Упала смс: «Есть такая. Лежит в отделении патологии роддома. Адрес дать?»

«Нет».

Сказала же, что аборт сделает.

Дура.

Что ей в голову ударило: оставила ребенка от любовника в ее годы. Обиделась, гордая. Когда признавалась, боялась,

но говорила, а в глазах надежда. Девочка, в голове сказки, жизни не видела. Либо случится что-то, что вырвет ее из розовых фантазий, либо по удачному стечению обстоятельств этого не произойдет, и она счастливо проживет жизнь, уверенная в правильности своей картины мира.

Будет потом ребенку байки про папу-военного рассказывать, свято убежденная, что все правильно сделала.

Дура.

Он завел машину, и вырулил к дороге, зажав свежую сигарету в углу рта. С Диной лоханулся. Не скрывал, что к ней неравнодушен, кто ж знал, что так жизнь вырулит. Ради нее и пытал, и убивал, если нужно было. Когда ее беременную в заложники взяли, все знали, что Ремисов ее защищает, и руки у него развязаны. Да много кто это знал. И как освободился, первым делом к ней поехал, на ее дочку посмотреть. Она писала, дочь не от него. Как будто ее мудак дал бы написать правду, будь иначе. Но Дина не обманула: девочка оказалась беленькой, не его масти. Долго на ноябрьском ветру стоял – на набережной у реки ветер сильнее. Не мог уйти. Смотрел, что из загнанного зверька, юной девочки, ласточка стала взрослой женщиной. Роскошной и красивой дорогой, настоящей красотой. Как она изменилась. Навсегда чужая.

Любимая.

Одержимость ею сыграла против.

Но Дина не здесь и достать ее не просто, в отличие от Лены. Слухи, что она залетела, разбежались во все стороны. У

него слишком много врагов, чтобы это игнорировать.

Отличный рычаг давления – беременная девушка.

Он скрипнул зубами.

Дура наивная. Легкая, мечтательная, нежная.

Пусть так и будет. Пусть остается счастливой.

В роддоме горели окна на первом этаже, выше – только тусклый свет в коридорах. Он остановился подальше и укрыл машину в темноте, чтобы не привлекать внимание охраны. Лезть туда не стоит. Поднимут шум. И ей не стоит его видеть, неизвестно, что ей наболтали люди Ковалева.

Андрей проверил оружие. Стройные пальцы вставили магазин, прикрутили глушитель.

Ночевать придется здесь: на пустой желудок и выспаться не получится, ночью надо менять позицию.

Как же с ней было хорошо в постели – не только трахаться, спать. Пока женщина рядом, кошмары приходят реже.

Глава 16

– Старайтесь поменьше волноваться, – заключила врач, протягивая выписку. – Больше отдыхайте, тяжелое не поднимать, и полный покой.

Я грустно кивнула. Меня выписали через две недели, за которые я успела осунуться и побледнеть.

– Лена, – врач тихо, как-то по-матерински вздохнула. – Не расстраивайтесь, все у вас будет хорошо.

– Спасибо, – поблагодарила я, хотя не верила в прогноз.

С беременностью – да, но мне кажется, она о другом. Все заметили, что ко мне не приходят. Я побрела к выходу, вчитываясь в рекомендации. Лекарства… Их я куплю. Но если часто лазить в заначку, ничего не останется, когда ребенок родится.

Восемнадцать недель.

Шевелений так и не было. Врач подбодрила, когда я поделилась опасениями, мол, такое бывает, по УЗИ все в порядке – ждите, мамочка. Живот выдвинулся вперед, теперь даже под просторной футболкой видно. Я спрятала выписку в сумочку, вышла на крыльцо роддома и глубоко вдохнула.

В воздухе ощущался август, не жарко, хотя полдень.

Совсем отвыкла от уличного простора. Последнее время я проводила в постели, лишь иногда выбиралась в больничный парк, где грустила на скамейке. Смотрела, как другие

девчонки обнимаются с мужьями, а те тетешкают их, таскают фрукты и лакомства, целуют им животы, и мне было больно. Как я хотела, чтобы и со мной кто-то был. Смотрел на меня с любовью, ждал в парке, как другие.

Я вызвала такси и села на скамейку.

С квартиры придется съехать. Варианты на примете были, пока лежала, обзвонила несколько мест. Уезжать не хочется, но так безопасней. Последнюю неделю меня не оставляло чувство опасности. Как будто за мной наблюдают.

Чем скорее сменю жилье, тем лучше. Первый показ запланирован на вечер, для себя я решила, что не буду выбирать – сниму первое, где мой живот не испугает хозяев.

Галины Петровны дома не было, я открыла своим ключом. Квартира казалась чужой и пыльной. Когда вошла в комнату – устало вздохнула. Похоже хозяйка трогала вещи. Может быть, собрать хотела или убиралась. Я поставила в угол тощий пакетик с вещами, и неуклюже начала складывать одежду.

Деньги.

Доллары и заработанное я хранила под матрасом. Просунула руку и застыла: пальцы поймали пустоту.

Сердце чуть не оборвалось. Спокойно. Нас не могли ограбить, верно? И хозяйка не похожа на воровку… Но я шарила там рукой и кусала губы, понимая, что денег нет, пусто, испарились!

Я нервно набрала номер хозяйки.

Понятия не имею, что скажу, но если ничего не буду делать, меня разорвет от паники. Руки дрожали и голос пропал, когда она ответила.

– Галина Петровна…

– Выписали, – она приветливо рассмеялась. – Как себя чувствуешь?

– Галина Петровна, – повторила я, справляясь с голосом. – Вы не знаете, где деньги?

– Какие деньги, милая?

– Когда меня в больницу забрали… – у меня задрожал голос. – Когда забрали, я деньги оставила под матрасом, на ребенка, теперь их нет…

Боже, зачем я их оставила? Нужно было с собой брать, но в тот момент я так испугалась за ребенка, что о деньгах не помнила. Хорошо, браслет сохранился.

– Господи, милая… – она испугалась. – Меня неделю дома нет, я к дочке уехала погостить. Ты уверена, что не переложила их в другое место, или не отдала кому-то?

Конечно, уверена.

Это все, что удалось скопить, кому их отдам? Понимая, что не смогу продолжить разговор, я отключила телефон и зажала рот ладонью, тихо плача. Не знаю, что меня насторожило – движение за спиной, какая-то тень.

Неуклюже обернулась и отступила. Из глубины коридора появились двое парней, молодые, бритые амбалы. Незнакомые. Не с улицы вошли – чтобы открылась дверь, я не слы-

шала, из соседней комнаты.

– Бабки ищешь? – с ухмылкой спросил один, и уставился на мой живот. – Прокатимся. И только пикни мне, внизу машина ждет, тихо сядешь, никто тебя не обидит. Начнешь орать – врежу, ты поняла? О ребенке подумай.

– Что вам надо… – похолодела я.

Западня.

Даже не убегу, я полностью беззащитна. У бедра он держал пистолет и смотрел, как гоблин – пригнув голову с гадкой улыбкой. Кто они? И как узнали, где я… Не надо было называть свой адрес в больнице…

– Узнаешь.

Пальцы сдавили плечо, как стальные тиски и он потащил меня к выходу. Второй шел впереди. До меня дошло, что меня вот-вот похитят.

– Я встречаюсь с Ремисовым, – заныла я, вспомнив, как его боялись в прошлый раз. – Я его девушка, пожалуйста, не надо…

– Заткнись, – он грубо зажал рот и поставил меня перед собой. Пока подельник открывал дверь, угрожающе прошептал мне на ухо. – Не заткнешься, получишь в живот.

Тихо глотая слезы, я вздрагивала всем телом. От быстрого дыхания живот ходил вверх-вниз, перед глазами поплыло, я теряла сознание от страха и кислорода. Рот сдавили так, что стало больно. Они утащат меня, и никто об этом не узнает…

Мысль вызвала приступ паники.

Хозяйка вернется, пожмет плечами, друзей нет, родни тоже – тетя вспомнит обо мне не скоро. Я исчезну для всех… А для Андрея исчезла давно.

Он не знает, где я.

– Иди первым, открой машину, чтобы быстро ее посадить.

– Жди здесь.

Но когда дверь распахнулась – за ней кто-то стоял.

Мужской силуэт, растрепанные волосы. Я не видела его почти пять месяцев, отвыкла, и не узнала сразу. Только когда раскромсанное лицо увидела. Андрей резко поднял руку и подался вперед – свет так упал, что шрамы стало видно, глаза… Сердце в груди с ума сошло.

Он пугал больше, чем в нашу первую встречу.

То ли я была ослеплена эмоциями, сладкими и яркими, то ли никогда настоящим его не видела, но сейчас передо мной не мой любовник был, а тот, о ком читала в статьях. Прямой рот неровный, глаза ничего не выражали – из них пропала жизнь.

Андрей целился не в того, кто шел первым – хотя в него стрелять логичнее. Глушитель с черным глазком уставился в голову того, кто держал меня. Он не пугал и не выдвигал требований, не за этим брал на прицел. Я поняла, что сейчас будет и в ужасе распахнула глаза.

Выстрел был похож на плевок. Резкий, но с подавленным звуком.

Я заорала в ладонь, судорожно сжавшую рот. Всем телом

почувствовала, как дернулся мужчина, когда пуля прошила голову.

Падая, он отпустил меня. Повезло, что по инерции не потащил за собой. Но я не удержалась – боком вмазалась в стену, по ней сползла, и неуклюже села. Расширенными глазами смотрела на распластанное тело, хотя знала – нельзя, не стоит, беременной такое зрелище ни к чему. Ноги трупа дернулись, на пол стекла струйка крови. Рана – всего лишь дырочка – казалась несуразно маленькой. Уже бесполезный пистолет валялся под рукой мертвеца. Я поняла, почему Андрей застрелил его первым. Потому что вооружен.

Второй был почти вплотную к Андрею.

Попытался перехватить оружие профессиональным выпадом, но тот взял на излом руку. Сухо хрустнула кость, и парень взвизгнул. Андрей отшвырнул его и тот скорчился на полу, баюкая сломанное запястье.

Стремительно наклонившись, Андрей схватил его за грудки, ворочая на полу, чтобы было удобней допрашивать.

– Говори по-хорошему или поедешь со мной в лесополосу, и там будем говорить по-плохому, – после стычки он говорил, глотая звуки. – Кто вас послал?

Тот тяжело дышал, задыхаясь и глотая кровь из разбитого носа. Глаза, остекленевшие от болевого шока, смотрели в пространство.

– Понял тебя, – из кармана появился нож, тот самый, которым он срезал бирку с моего браслета. Лезвие со щелчком

вышло в сантиметре от расширенного зрачка. – У меня нет времени. От кого?

У него не дрожала рука.

Нож, направленный на глаз, Андрей держал абсолютно неподвижно. Будет его пытать.

Издав сдавленный всхлип, я попыталась уползти на четвереньках. Я не чувствовала тела, в груди давило что-то тяжелое, словно задавленная истерика превратилась в булыжник, который теперь был вместо сердца. Я интуитивно пыталась спрятаться.

– Лена!

Я заползла в темную ванную и забилась в угол: в спасительную темноту. Сквозь запах бытовой химии я чувствовала кровь из коридора. Смотрела в щель между косяком и дверью, но не видела, что там происходит.

– Твою мать… – неразборчиво пробормотал Андрей.

Раздался хлопок. Было так тихо, что слышно стало, как звонко об пол ударила гильза.

– Лена?

По тени я видела: Андрей направился сюда, и обеими руками зажала рот. У меня кружилась голова.

Он распахнул дверь и в ванную хлынул свет. Андрей присел передо мной на корточки. Я слишком часто дышала, прикрывшись от него руками, все плыло и не получалось сосредоточиться на лице. Я боялась его выражения: вдруг не показалось, и он правда ничего не ощущает?

– Успокойся.

Ладонь накрыла под футболкой напряженный живот.

От нее распространялось тепло – куда-то вглубь. Я не сразу поняла, что он делает, это было неожиданно: Андрей поглаживал живот пальцами, пытаясь меня расслабить.

– Тише, – прошептал он, и наклонился, губами щекоча щеку. – Тише, моя девочка… Ты зачем меня обманула?

Вдруг я ощутила толчок внутри живота.

Долгожданный... неуместный. Очень сильный, а за ним еще один.

Он тоже почувствовал: только что водил пальцами, и остановился. Даже затаил дыхание – оно со щеки исчезло.

– Это что было? Ребенок? Пойдешь со мной, – сказал он, возобновляя плавные движения. – Сама виновата.

Глава 17

Андрей подсунул под меня руки и поднял. Я была так перепугана, что не сопротивлялась. Застыла камнем и позволила отнести себя вниз, как безропотный груз.

Он посадил меня в машину – не в БМВ, в другую. Пристегнул ремень, и сел за руль.

– Куда вы меня забираете?

Для пустякового вопроса потребовались все мои силы.

– Мы теперь на «вы»? – он резко сдал назад, и развернулся. – Как себя чувствуешь?

Я была отрешенной, словно разделилась и одна часть меня осталась в квартире и переживала неудачную попытку похищения снова и снова. Хотя с какой стороны посмотреть – меня все-таки похитили.

Андрей был поглощен дорогой.

Больше в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.